

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА В СИБИРИ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Вып. 47 | 2014

Интеграционные проекты СО РАН

Коллектив авторов

**Перспективы и риски
развития человеческого
потенциала в Сибири**

ФГУП «Издательство СО РАН»

2014

УДК 316+314+39
ББК 60.5+60.7+62.5

Коллектив авторов

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / Коллектив авторов — ФГУП «Издательство СО РАН», 2014 — (Интеграционные проекты СО РАН)

ISBN 978-5-7692-0669-6

Монография посвящена актуальной проблеме развития человеческого потенциала Сибири и является результатом совместных исследований ИЭОПП СО РАН с Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН. Оценка ресурсов человеческого развития Сибири на микро, мезо- и макроуровнях дана на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов и использования социальной инфраструктуры, анализа демографических процессов и состояния этнополитических и этнокультурных институтов. На материалах государственной статистики, социологических и медико-демографических исследований показано, что явные риски, трансформирующиеся в опасность, вызваны сокращением численности населения региона, деструктивным отношением к здоровьесбережению; при сложившихся институциональных условиях большинство населения Сибири не располагает и не будет располагать в перспективе при этих условиях достаточными возможностями для развития человеческого потенциала за счет собственных ресурсов. Требуется разработка научно обоснованных решений, обеспечивающих полноценную реализацию возможностей, заложенных в региональном человеческом потенциале. Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8 «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири» Книга предназначена

социологам, демографам, этнографам, специалистам в области государственного управления, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к проблемам социального и демографического развития Сибири.

УДК 316+314+39
ББК 60.5+60.7+62.5

ISBN 978-5-7692-0669-6

© Коллектив авторов, 2014
© ФГУП «Издательство СО
РАН», 2014

Содержание

Введение	6
Раздел 1	10
Глава 1	12
Глава 2	21
2.1. Основные понятия. Факторы, формирующие демографические угрозы	21
2.2. Методика измерения демографической безопасности на региональном уровне	28
Глава 3	35
Раздел 2	45
Глава 4	46
4.1. Ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала в России	46
4.2. Региональные различия в условиях воспроизводства человеческого потенциала	54
4.3. Можно ли разорвать порочный круг: низкая производительность труда – низкая заработная плата?	59
Глава 5	63
5.1. Изменения, внесенные рецессией в жизнь американцев	64
5.2. Европейцы и кризис	67
5.3. Восприятие воздействия глобального экономического кризиса жителями Сибири	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири

Ответственный редактор академик В. В. Кулешов

Введение

Современная экономика все в меньшей степени определяется наличием природных ресурсов, а все в большей – качественным ростом человеческого потенциала; он признается главной составляющей национального богатства и основной силой экономического роста. Важнейшими характеристиками человеческого потенциала являются здоровье, уровень образования и профессиональная квалификация населения. Целью социально-экономической политики современного государства должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического и социального прогресса на основе повышения благосостояния и качества жизни населения. Государственные и общественные деятели активно обращаются к этой идее в своих речах и публикациях, но соответствуют ли декларации реалиям жизни? Авторы данной монографии, опираясь на оригинальный статистический и эмпирический материал, исследовали потенциальную готовность россиян, живущих в Сибири, к возлагаемой на них миссии с помощью комплексного и углубленного анализа разных факторов формирования человеческого потенциала Сибири, условий и механизмов его развития, накопления и эффективного использования во благо самих людей и страны.

Тему человеческого потенциала можно смело отнести к числу наиболее активно разрабатываемых в последние десятилетия обществоведами, ведь в настоящее время все более актуальными становятся проблемы защиты человека от рисков и угроз и обеспечения его нормальной жизнедеятельности. На исходе XX в. сформировались концепции, в которых различные составляющие национальной безопасности рассматриваются с точки зрения развития человеческого потенциала. В частности, разработана концепция безопасности Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), где национальная безопасность рассматривается как одна из форм обеспечения безопасности человека [Доклад о развитии..., 1999]. Концепция выделяет семь основных аспектов безопасности человека: экономическую, продовольственную, экологическую, личную, социальную (культурную), политическую и безопасность для здоровья.

В течение многих лет указанные параметры развития человеческого потенциала являлись (в той или иной мере) предметом исследований Института экономики и организации промышленного производства и других институтов СО РАН. Были разработаны теоретические основы и проведены конкретные исследования человеческого потенциала населения Сибири. В качестве основных компонентов человеческого потенциала [Заславская, 2004, с. 168–172] рассматривались социально-демографический потенциал (половозрастная структура населения, состояние здоровья, продолжительность жизни, естественное и механическое движение населения, включая миграцию иностранной рабочей силы); трудовой потенциал (уровень и структура занятости населения, масштабы безработицы, качество рабочей силы, уровень оплаты труда); экономический потенциал (уровень благосостояния и реальных доходов населения, социальные гарантии и социальная защищенность); социокультурный потенциал (уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности нормоценностного сознания и этнические ценности). Результаты предпринятых исследова-

ний отражены в многочисленных публикациях [Иностранцы мигранты..., 2006; Калугина, Соболева, Тапилина и др., 2007; Калугина, Соболева, Тапилина и др., 2008 и пр.], а также в коллективной монографии «Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития» (третья книга из серии «Исследования Новосибирской экономико-социологической школы»), где три раздела из пяти посвящены анализу человеческого потенциала и человеческого развития [Россия и россияне., 2008].

Настоящая монография является итоговым результатом научной деятельности коллектива ученых в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8 «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири» (руководитель – академик В. В. Кулешов). Этот проект объединил исследователей из четырех научных организаций – Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (головная организация), Института археологии и этнографии СО РАН, Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН.

Новаторский характер проекта заключается в оценке ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов, использования социальной инфраструктуры, изучения этнополитических и этнокультурных институтов.

Цель исследования – выявление способов и практик использования, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения (доходных, социальных, этнических) Сибири с учетом возможных демографических, социальных, этнических рисков. Рассмотрение проблемы защиты человека от рисков и угроз во взаимосвязи с проблемой качества жизни и формирования человеческого потенциала дополняет существующие подходы и является перспективным в плане учета интересов человека и прогресса в развитии общества.

Изучение рисков развития человеческого потенциала Сибири осуществлялось на основе интеграции социально-демографических, медико-демографических, социологических, этносоциальных, социальногеографических исследований, соответствующих одноименным блокам проекта, результаты которых отражены в главах коллективной монографии.

Первый раздел монографии, посвященный методологии и методике оценки социальных, демографических и этнических рисков развития человеческого потенциала, включает три главы. В них основное внимание уделяется анализу основных понятий и индикаторов, необходимых для оценки социальных рисков развития человеческого потенциала («риск», «угроза», «опасность»), определению рисков в формировании демографической среды (факторы, формирующие демографические угрозы) и этнических рисков развития человеческого потенциала, а также типологиям рисков (социальных, демографических и этнических) и методологии их оценки.

Социальные и экономические риски формирования и использования человеческого потенциала рассматриваются в семи главах второго раздела монографии. К одному из важнейших результатов этого раздела можно отнести вывод о том, что фактором риска развития человеческого потенциала выступают необоснованные социальные неравенства, порождающие социальную напряженность в обществе и приводящие к дезинтеграции и противостоянию общественных сил. Модернизация экономики, осуществляемая за счет населения, чревата непредсказуемыми социальными последствиями, а сама идея обновления основных (производственных) фондов за счет сокращения инвестиций в развитие человеческого капитала идет вразрез с общемировыми тенденциями. На обширном статистическом материале по странам мира показано, что неравенство выше критического уровня препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов, поэтому снижение

уровня социального и имущественного неравенства населения в доктрине национальной безопасности страны рассматривается в качестве важнейшей стратегической цели. Вызовы времени требуют новаторской государственной политики, позволяющей противостоять рискам и неравенству. Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания и уровня потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения.

Значимое место в монографии занимает оценка рисков в формировании демографического потенциала Сибири. Этому посвящен третий раздел монографии. В теоретической части раздела дано определение «демографической безопасности», представлена авторская методика измерения демографической безопасности на региональном уровне, выделены социально-демографические индикаторы, которые обеспечивают оценку рисков формирования отдельных составляющих демографического потенциала, определены так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций. Авторы этого раздела не только проводят скрупулезный анализ показателей, формирующих демографический потенциал Сибири на фоне общероссийских трендов, но уделяют внимание таким важным составляющим демографического потенциала, как состояние здоровья и миграция. При этом, рассматривая современные риски в формировании здоровья, исследователи особо выделяют значение репродуктивного здоровья как важнейшей качественной составляющей воспроизводства населения.

В четвертом разделе «Этнические риски человеческого развития», состоящем из четырех глав, рассматривается крайне актуальная для полиэтничного Сибирского региона проблема этносоциальных и этнополитических рисков. Обращение к мировому опыту реализации регионализма и федерализма и соотнесение его с реалиями современной России, исторический анализ динамики этносоциальных процессов в Сибири, попытка оценки напряженности межэтнических взаимодействий в условиях интенсивной этнически окрашенной миграции и пр. могут послужить основой для обсуждения проблем этнических прав граждан, статуса этноса в современных условиях, модернизации национальной концепции государства, выбора эффективных способов управления этнополитическими рисками.

В заключении авторы дают характеристику рисков развития человеческого потенциала и обосновывают предложения по оптимизации региональной социальной и демографической политики.

Пионерный характер данной монографии определяется рядом параметров, которые не встречаются в совокупности ни в какой другой работе, а именно:

1. Выбор концептуальной рамки, представляющей современное общество как общество рисков с присущей ему системой неравенств и распределения ответственности за генерацию всевозможных рисков и угроз среди различных социальных групп.

2. Многоуровневый подход к оценке ресурсов человеческого развития Сибири. Такой подход предполагает макроанализ сложившейся институциональной системы и государственной политики по созданию условий для аккумуляции человеческого потенциала и его капитализации в сфере труда, образования и здравоохранения; мезоанализ возможностей территории в предоставлении жителям Сибири услуг социальных учреждений и доступности инфраструктурных объектов в разных типах поселений, и, наконец, микроанализ активности самих народных масс по развитию своего потенциала через заботу о своем здоровье и здоровье членов своих семей, их вложений в образование детей и повышение профессиональных знаний, мобилизацию разного рода ресурсов для карьерных продвижений и страхование рисков в условиях «неопределенного будущего» – будь то мировой финансово-эко-

номический кризис или же вступление человека в «третий возраст» в стране с перманентной пенсионной реформой.

3. Междисциплинарный подход, в соответствии с которым развитие человеческого потенциала рассматривается как многоаспектное явление, подверженное, как минимум, трем видам рисков – социальноэкономическим, демографическим и этносоциальным.

В монографии актуализируются вопросы разработки социально-экономической политики, направленной на предотвращение того, чтобы риски, связанные с развитием человеческого потенциала населения Сибири, не стали чрезмерными, и на обеспечение того, чтобы перспективы его накопления были практически достижимыми, а Сибирь сделала бы долгожданный рывок в социальном развитии.

Авторский коллектив монографии:

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск) Т. Ю. Богомолова, канд. социол. наук (глава 5, заключение), З. И. Калугина, д-р социол. наук (главы 1, 4, 7, заключение), Н. Е. Смирнова (главы 11, 13, 16), С. В. Соболева, д-р экон. наук (главы 2, 11, 13, заключение), О. П. Фадеева, канд. социол. наук (глава 8), Т. Ю. Черкашина, канд. социол. наук (главы 1, 6, 9), О. В. Чудаева (главы 2, 11, 13, заключение)

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

Е. В. Антропов (глава 16, 17), Д. Ю. Гапак (глава 18), И. В. Октябрьская, д-р ист. наук (главы 3, 15, 16, 17), М. В. Пономаренко (глава 3), Н. Г. Попова (глава 18), А. А. Шадт, канд. ист. наук (глава 3, 15)

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

С. В. Рященко, д-р геогр. наук (глава 10)

НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН (Новокузнецк)

Ю. А. Григорьев, д-р мед. наук, В. В. Захаренков, д-р мед. наук (глава 12)

Академик В. В. Кулешов

Раздел 1

Методология и методика оценки социальных, демографических и этнических рисков развития человеческого потенциала

Глава 1

Социальные риски развития человеческого потенциала: основные понятия и индикаторы оценки

«В развитых странах современного мира общественное производство *богатства* постоянно сопровождается общественным производством *рисков*» [Бек, 2000, с. 21]. Смысл этого высказывания Ульриха Бека – в возрастающих по мере модернизации производительных сил угрозах для физического выживания человека. Источниками рисков для развития человеческого потенциала могут быть не только техногенные факторы, но и социальные отношения, сложившиеся в разных общественных подсистемах: экономической, демографической, этнической, социальной и т. п. Поэтому цель предпринятого исследования заключалась в выявлении способов и практик сохранения, развития и использования человеческого потенциала разных групп населения Сибири с учетом возможных рисков. По существу, речь идет об определении вариантов ответов на риски, о минимизации возможных угроз для разных социальных групп.

Общество риска. В теориях общества риска нашла отражение дихотомия структурного и конструкционистского подходов. В первом случае риски понимаются как нечто объективное, существующее вне воли и сознания индивидов. Но в социологических теориях, основные положения которых представлены в работах У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, а среди российских социологов – В. И. Зубкова, А. В. Мозговой, О. Н. Яницкого, риски определяются в коммуникации, т. е. конструируются во взаимодействиях по поводу возможных последствий какого-либо события, явления.

Общество риска – это новая парадигма, сменяющая концепцию общества производства и распределения богатства: «мы еще не живем в обществе риска, но и больше не живем только в обществе распределения благ» [Бек, 2000, с. 23]. Это происходит не вследствие того, что дефицит благ перестал быть значимой социальной проблемой, а и из-за того, что складываются новые социальные отношения, характеризующиеся сменой критериев социальной стратификации, что приводит к образованию новых социальных общностей, и к тому, что поведение людей все более определяется предвидением будущего, чем тенденциями прошлого.

Если говорить подробнее, *во-первых*, равенство как идеал общественных отношений сменяется безопасностью, а основой социальной стратификации становится не объем богатства, а степень уязвимости перед рисками. В этот переходный период «риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски – в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а *усиливают* классовое общество. К дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности и избыток опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут *купить* себе безопасность и свободу от риска» [Бек, 2000, с. 40–41]. Этот «закон» специфически классового распределения рисков и считается одним из центральных измерений риска.

Но классовая специфика в распределении рисков проявляется не только в их неравномерном распределении, но и в том, что возможность и способность избегать опасные ситуации, обходить и компенсировать их тоже неодинакова у слоев с разными доходами и разным уровнем образования: кто располагает большими финансовыми возможностями, тот может попытаться избежать риски благодаря выбору места жительства, обустройства жилья [Бек, 2000, с. 40–41]. Образование и умение анализировать информацию, то есть обладание определенным человеческим капиталом, дополняют экономические возможности в минимизации рисков.

В концепции Э. Гидденса существующая институциональная среда задает унифицированные варианты поведения индивидов и порождает, таким образом, коллективные риски. Естественно, распределение коллективного риска неоднородно в социальном пространстве, и группы, и индивиды, располагающие разными объемами и видами капиталов, имеют разные возможности в предвидении рисков и минимизации негативных последствий в случае реализации риска. У. Бек, как и Э. Гидденс, подчеркивает, что глобализация и обострение ситуаций риска сужают приватные пути спасения и возможности компенсации негативных последствий рисков. К рискам, для которых социальные границы не значимы, относятся техногенные риски, или риски, порожденные «социализацией природы» – результатом технического вторжения в природу, что, с одной стороны способствует «стабилизации множества ранее случайных или непредсказуемых воздействий на человеческое поведение», но с другой – порождает новые состояния природы, суть и последствия которых известны человеку не в полной мере [Сен-Марк, 1977].

Во-вторых, новый стратификационный критерий порождает новые общности, основой существования которых становится страх: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я хочу есть!» Движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!» Место общности нужды занимает общность страха» [Бек, 2000, с. 36].

В-третьих, мышление в терминах риска предполагает, что не прошлое, а будущее определяет поведение индивидов в настоящем: согласие с предполагаемыми рисками заставляет быть активными сегодня, чтобы предотвратить риски завтра. Как замечает Э. Гидденс, «риски и попытки оценки риска существенны для колонизации будущего» [1994]. У. Бек пишет, что риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находит выражение существенная компонента будущего. Она основывается частично на продлении обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом «возрастании риска». Риски, таким образом, имеют дело с предвидением, с еще не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении [Бек, 2000].

Но не все последствия события (явления, состояния) могут быть определены и предсказаны, исходя из сегодняшних знаний. Это подразумевает постоянное переопределение основных категорий, закономерностей, тенденций. Индивиды освобождаются от определенностей и привычного образа жизни, характерных для индустриальной эпохи [Яницкий, 2003а, с. 14].

Социальные риски. Риски становятся социальными в силу масштабности своих последствий или в силу своего происхождения. В первом случае подразумевается, что негативные последствия от наступления рискованного события являются массовыми, они изменяют положение значительной по численности группы индивидов, и в целом социальный риск определяется как мера ожидаемого последствия определенного явления, наступление которого содержит вероятность потери или ограничения экономической самостоятельности и социального благополучия человека [Социальная энциклопедия, 2000, с. 345]. Для оценки таких рисков используют два показателя: интенсивность риска – вероятность реализации опасности (наступления потенциально опасного события) для заданного промежутка времени – и величина ущерба от наступления опасности.

Во втором случае речь идет о том, что сама система социальных отношений и социальных институтов становится источником рисков (институционализированной средой риска по определению Э. Гидденса). При этом индивиды зачастую не могут по своей воле покинуть эту «зону риска». Различие между риском, на который идут добровольно, и риском, которому индивид подвергается помимо своей воли, зачастую расплывчато и не всегда четко соответствует различию между институционализированной и неинституционализированной (внешней) средой риска. Неотъемлемые от современной экономики факторы риска вли-

яют практически на каждого, независимо от того, участвует ли индивид в экономической деятельности непосредственно [Гидденс, 1994].

Современное понимание социальных институтов как структурообразующего элемента институционализированной среды строится вокруг тезиса Д. Норта о том, что «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты» [Норт, 1997, с. 20]. Социальные институты – это поддерживающие, а не строго определяющие поведение индивидов структуры, которые реализуются через практики – «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения акторов (индивидов, организаций, групп), которые и обеспечивают функционирование соответствующих институтов» [Шабанова, 2006]. В такой логике источником рисков для дальнейшего функционирования институтов может стать ответное поведение людей. Здесь можно привести пример реформирования системы здравоохранения при параллельном сокращении государственного финансирования этой системы, что спровоцировало распространение практик обращения за медицинской помощью на поздних стадиях заболеваний, частичного или полного отказа от посещения врачей, самолечения, обращения к альтернативным способам лечения. Соответственно, риск от массового пренебрежения к здоровью проявляется в увеличении затрат на здравоохранение за счет более высоких затрат на лечение по сравнению с затратами на профилактику заболеваний, высокие показатели смертности от состояний, которые можно было предотвратить на ранних стадиях заболеваний.

Социальность рисков «по происхождению» также означает, что риск представляет собой результат принятия решения. В этом его основное отличие от опасности, источником которой являются внешние, не контролируемые человеком силы. То, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем [Луман, 1994.]. То есть ущерб от риска вменяется решению, тогда как ущерб от опасности вменяется окружающему миру. В этом смысле риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное.

Поскольку источником современных рисков являются индивиды и социальные институты, критерием социальной стратификации становится не только уязвимость к рискам, но и причастность к их созданию. То есть акторы, которые наделены полномочиями «формировать правила игры и средства контроля за их соблюдением», создают риски. Это *субъекты («производители») социального риска*, на месте которых чаще оказываются представители власти, хозяйствующие субъекты, социальные группы, причастные к принятию решений с социальными (а не индивидуальными, личными) последствиями. Соответственно, *источник социальным рискам* – функционирование социальных институтов, организаций, поведение сообществ, домохозяйств и индивидов.

Объекты («потребители») социального риска – социальные группы, сообщества и индивиды, которые в силу сложившихся обстоятельств, своего социального положения и образа жизни подвергаются негативному воздействию решений, принятых субъектами риска [Зубков, 1994, с. 5; Маслова, 2001, с. 36]. «Удел потребителей рисков – иная “польза”: льготы или компенсации за потерянное здоровье, за вынужденную жизнь в рискогенной среде» [Яницкий, 2003а, с. 27].

Определение рисков через коммуникацию. Номинарование явления (состояния) в качестве риска происходит на основании аргументов, т. е. до тех пор, пока эти последствия не стали явными и наблюдаемыми, они существуют только как обоснованное предвидение. Поэтому в своих представлениях о рисках мы доверяем экспертному знанию тех, кто более компетентен в данной области. Но кроме научной рациональности в понимание рисков вплетена социальная рациональность – основанное на ценностях представление о том, что может быть приемлемо, какова величина возможного ущерба, на который следует пойти ради возможных выгод. «Занимаясь цивилизационными рисками, наука всегда покидала почву экс-

периментальной логики и вступала в полигамный брак с экономикой, политикой и этикой или, говоря точнее, она сожигает с ними “без официального оформления отношений”» [Бек, 2000, с. 19]. В коммуникативном определении одной из стратегий «снижения рисков» может быть контринтерпретация механизмов возникновения негативных последствий и вероятности наступления рискового события. Риски могут «проходить отбор» в зависимости от интересов тех или иных акторов, чтобы быть аргументом в усилении их позиций как «борцов» с данными рисками.

Основанность рисков на знаниях и нормах делает их предметом рефлексии, которая насущно необходима в условиях быстро меняющейся социальной среды, если мы говорим о социальных рисках. «Социокультурная рефлексия – это перманентное критическое осмысление меняющейся ситуации и публичный диалог по поводу современного состояния общества» [Яницкий, 2003а, с. 21]. В таком диалоге устанавливается *социально приемлемый уровень риска* – конвенциональный уровень допустимых потерь, который опосредован социокультурными, морально-этическими и политическими факторами. Этот уровень должен постоянно дебатироваться обществом, вычисляться, прогнозироваться, а не «назначаться» правящей элитой [Яницкий 2003б, с. 352]. В этой связи Н. Луман подчеркивает возрастание роли коммуникаций [Луман, 1994], результатом которой является формирование критериев и непосредственно отбор рисков: какой из них учитывается, а какой – нет.

Конструкционистский подход к определению рисков вводит в структуру социальных отношений по поводу рисков фигуру эксперта, обладающего специальными знаниями и определяющего степень опасности ситуации. Но чем «более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой» [Гидденс, 1994]. Это означает, что появляются такие способы социального влияния, которые уже никто не контролирует непосредственно.

Но определение рисков в коммуникации не означает, что возможные угрозы – «воображаемые». Обсуждению, скорее, подлежат вероятность наступления рисков и масштаб их последствий: «общественное обсуждение всегда связывает некую реальную опасность и какое-то неодобряемое поведение, классифицируя опасности по характеру угрозы ценным институтам» [Дуглас 1994, с. 248].

Институциональные предпосылки новой конфигурации социальных рисков. Вторая половина XX в. войдет в историю как период расцвета в экономически развитых странах социального государства с мощной системой социальной защиты, институциональные и экономические механизмы которой были созданы благодаря устойчивому экономическому росту, относительно спокойной международной обстановке. Страховые механизмы социальной защиты позволяли минимизировать негативные последствия социальных рисков, с которыми сталкивались индивиды и домохозяйства. Госта Эспинг-Андерсен идентифицирует четыре вида таких рисков:

- универсальные, с которыми могут столкнуться все люди, например, возникающие ограничения в связи со старением;
- групповые (или классовые), за которыми стоят события, чаще встречающиеся с представителями определенных групп. Например, риск бедности выше среди матерей-одиночек;
- риски жизненного цикла, например, риски бедности в течение жизненного цикла, описанные Сибом Роунтри;
- межпоколенные риски, передаваемые от родителей к детям, например, воспроизводство образовательного статуса, модели семейных отношений [Esping-Andersen 2000, p. 3].

В этом плане Теодор Лоуви определяет государство всеобщего благосостояния как государство, осуществившее частичную *демократизацию риска*: каждому предоставлено

право пользоваться (на добровольных началах) коллективной защитой от риска или, по крайней мере, от того ущерба, который возрастает по мере увеличения риска [Лоуви, 1994, с. 254].

Но на примере европейских стран социологи констатируют, что «хотя системы социальной защиты в настоящее время охватывают огромное количество людей, изменения, которые произошли за последние два десятилетия, создали новые формы незащищенности и неустойчивости, с которыми столкнулась большая часть граждан Европы. Новое столетие унаследовало от предыдущего странный парадокс: неопределенность и неустойчивость постоянно возрастали с тех пор, как способность социальных систем обеспечивать защиту от социальных рисков достигала своего исторического максимума» [Ranci, 2010, p. 3]. Одно из возможных объяснений заключается в том, что неопределенность является неизбежным эффектом переходной фазы от разрушающегося индустриального общества к новой форме социальной организации.

Триада, на которую опиралось государство всеобщего благосостояния, – это труд, семья и благосостояние. Но по мнению Эспинг-Андерсена, эти институты сегодня являются главными источниками социальных рисков [Эспинг-Андерсен, 2006]. Под угрозой находятся в первую очередь граждане из крайних возрастных групп (дети и пожилые люди) и средний класс. Это процесс, который определяется как постепенная эрозия промежуточных положений. В работе «Социальная уязвимость в Европе: Новая конфигурация социальных рисков» выделяется три формы разрушения всеобщей защищенности. Первая – фундаментальный разрыв с моделью индустриальной заработной платы, который заключается в ослаблении рынка труда как основного механизма социальной интеграции, возрастающей нестабильности занятости, распространения нестандартных и теневых способов занятости. Вторая форма эрозии связана с постепенным ослаблением сетей родственной поддержки как следствие новых демографических тенденций и реорганизации домохозяйств, пересмотра ролевых моделей в домохозяйствах. Третий компонент эрозии «обеспечивается» ригидностью (институциональной инерцией) системы социального обеспечения. Системы социальной защиты, существующие во многих европейских странах, предлагают широкую социальную поддержку гражданам, которые полностью интегрированы в рынок труда. Но сегодня эта поддержка гарантирована для меньшей части граждан и с меньшей щедростью, чем в прошлом.

Там, где пересекаются незащищенность занятости, ведущая к нестабильности доходов, возрастающая хрупкость семейной поддержки и инерция институтов социального обеспечения, появляются новые социальные риски, критические из которых, по мнению европейских социологов, следующие:

– распространение «интегральной бедности», которая включает большую группу европейских граждан, кто постоянно или спорадически оказывается в состоянии относительной бедности;

– распространение жилищной депривации, связанной с проблемами доступности или несоответствия жилища требованиям (ситуации, которые подвергают людей социальной неустойчивости и финансовому напряжению, но не приводят в обязательном порядке к серьезным трудностям или не делают их бездомными);

– распространение мест работы и занятий, в которых труд незащищен или носит временный характер;

– совмещение трудовой занятости и заботы о детях. Масштаб этой проблемы зависит от постоянного роста занятости женщин и возросшей потребности семей иметь двух получателей дохода, чтобы достигнуть удовлетворительного уровня жизни;

– условия жизни пожилых людей. Безотлагательного решения требует рост числа зависимых людей, которым необходима долговременная помощь по уходу. Зависимости в буду-

щем суждено стать более распространенной вследствие того, что продолжительность жизни становится все длиннее [Ranci, 2010, p. 6–11].

Человеческий потенциал и человеческий капитал: различение понятий. Названные риски задают условия для практик воспроизводства, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения. Специфика социологического взгляда на человеческий потенциал заключается в следующем: он воплощен в характеристиках и качествах отдельных людей, поэтому важно учитывать, в какой степени социальноэкономические условия формирования и использования человеческого потенциала включены в поведение этих индивидов.

Первоначально понятие «человеческий потенциал» использовалось для международных сравнений. С середины 1960-х гг. в работах социологов и экономистов артикулируются идеи, что экономический рост не тождествен социальному развитию, поэтому для адекватной оценки изменений в обществе необходимо расширить диапазон показателей общественного развития. В научный оборот вводится понятие «качество жизни» как расширенная трактовка условий жизнедеятельности индивидов, а в 1980-е гг. эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций предложили концепцию развития человеческого потенциала, в которой человек определяется как целевой приоритет общественного развития (в противовес росту доходов). В 1990-е гг. концепция получила инструментальное развитие через предложение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), основная идея которого заключается в том, что развитие человеческого потенциала представляет собой процесс расширения возможностей личности для выбора и повышения благосостояния. Учитываются возможности, при отсутствии которых люди лишены многих жизненных перспектив: вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания, иметь доступ к ресурсам, необходимым для поддержания достойного уровня жизни. Соответственно, в качестве эмпирических показателей развития человеческого потенциала определены ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, грамотность взрослого населения, охват обучением лиц в возрасте 7-24 лет, валовой внутренней продукт на душу населения в паритетах покупательной способности. На их основе рассчитываются индекс долголетия, индекс грамотности, индекс дохода и, собственно, ИРЧП.

Для анализа на микроуровне экономистами был предложен термин «человеческий капитал» (Т. Шульц), а базовая теоретическая модель человеческого капитала разработана Г. Беккером. В качестве элементов человеческого капитала он выделял знания и навыки, полученные через формальное образование и подготовку на рабочем месте, информацию и здоровье [Беккер, 2003, с. 51, 592]. Инвестициям и отдаче от образования в работах Беккера уделено более значительное место по сравнению с вложениями в информацию и здоровье, но он объясняет это не большей важностью данных форм инвестиций в человеческий капитал, а возможностью на их примере «ясно показать характер воздействия человеческого капитала на заработки, занятость и другие экономические переменные» [Там же, с. 52]. Однако историческая тенденция сокращения доли физического труда и увеличение доли умственного в общем объеме труда также обнаруживает большее внимание современных экономистов к знаниям и навыкам, а не к здоровью как элементу человеческого капитала. Тем не менее здоровье, или физический капитал, отмечается как второй значимый элемент человеческого капитала [Беккер, 2003, с. 84–85] либо как самостоятельная форма наряду с человеческим, если последний включает только профессиональные знания, умения, навыки [Радаев, 2003].

Из различения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» вытекают важные методологические положения. Заимствование из экономического тезауруса «капитала» является не только терминологическим, но и смысловым, и оно связано с идеями инвестирования и отдачи. Во-первых, как и любой другой исчерпаемый ресурс, человеческий капитал «требует расходов по “ремонту” и содержанию; он может морально устаре-

вать еще до того, как произойдет его физический износ; его ценность может расти и падать в зависимости от изменений в предложении комплементарных (взаимодополняющих) производственных факторов и в спросе на их совместные продукты. Основными видами вложений в человека считаются образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей. Образование и подготовка на производстве увеличивают объем человеческого капитала, охрана здоровья продлевает срок его «службы», миграция и поиск информации на рынке труда способствуют повышению цен за его услуги, рождение и воспитание детей воспроизводят его в следующем поколении» [Капелюшников, 2008, с. 7]. Заметим, что именно инвестирование и возможность получения отдачи отличают человеческий капитал от трудовых ресурсов.

Во-вторых, в проблематике человеческого потенциала нельзя игнорировать его использование, что, собственно и демонстрируют экономисты: большинство исследований в данном направлении посвящено *отдаче* от образования. Но через использование человеческого потенциала можно провести различие между потенциалом и капиталом. Если человеческий потенциал – это воплощенные в человеке знания, навыки, способности, в том числе физические, то капиталом они становятся, если дают экономический эффект, т. е., если происходит конвертация человеческого капитала в экономический. Справедливо и обратное: экономический капитал является основой других типов капитала, в том числе человеческого. Ведь, по сути, инвестирование в человеческий капитал – это процесс превращения экономического капитала в иную форму. Но, как предостерегает П. Бурдье, реальную логику функционирования капитала, превращения одного его типа в другой и движущий ими закон сохранения нельзя понять без преодоления двух точек зрения. «На одной стороне находится экономизм, игнорирующий специфическое действие других типов капитала на том основании, что любой из них в конечном итоге сводится к экономическому капиталу. На другой стороне – семиологизм (ныне представленный структурализмом, символическим интеракционизмом и этнометодологией), сводящий социальные обмены к коммуникативным явлениям и игнорирующий жесткий факт универсального сведения всех форм к экономическому основанию» [Бурдье, 2002, с. 71]. Различные виды капиталов проистекают из экономического, но необходимы определенные усилия для осуществления такой трансформации. Поэтому в изучении процессов формирования и развития человеческого капитала важно уметь дифференцировать индивидов и семей не только по обладанию экономическими ресурсами, но и способам обращения с этими ресурсами.

Итак, под человеческим потенциалом в работе понимается совокупность знаний, навыков, физических способностей и личностных качеств, которым обладает индивид и которые способствуют его участию в хозяйственной деятельности или обеспечивают его развитие.

Исследование человеческого потенциала в контексте социальных рисков. В данной работе конкретизация составляющих человеческого потенциала подразумевает, что они удовлетворяют следующим условиям: неотъемлемость от носителя человеческого потенциала; принципиальная возможность конвертироваться в экономический капитал, т. е. позволять его владельцу в настоящем или будущем участвовать в хозяйственной деятельности; способность воспроизводиться и накапливаться в процессе инвестирования экономических и временных ресурсов.

К таким составляющим относятся профессиональные компетенции, усвоенные в системе формального образования и на рабочем месте (образовательный потенциал), состояние здоровья как способность к физической активности в целом и труду в частности (физический потенциал), включенность в социальные сети (социальный потенциал)¹.

---

¹ С целью показать качественные различия в накопленных способностях и навыках группа исследователей предлагает термин «фиктивный человеческий и социальный капитал», проявляющийся в низком уровне профессиональной подго-

Тезисы о том, что капиталы увеличиваются через постоянную конвертацию друг в друга, что отдача от человеческого капитала, которая невозможна без его использования, выступает стимулом для инвестиций в человеческий капитал, и что спрос на человеческий потенциал (капитал) важен для его формирования и воспроизводства [Калугина и др., 2008], позволяют разделить риски на 1) риски воспроизводства человеческого потенциала («риски создания») и 2) риски капитализации человеческого потенциала («риски востребованности и использования»). Таким образом, риск определяется нами как потенциальная возможность материальных, физических, социальных потерь, обусловленная функционированием социальных институтов и поведением индивидов в рамках данных институциональных условий. Соответственно, субъектом таких потерь может быть общество, а также отдельные индивиды и группы, и тогда риск – это непосредственная угроза для их жизненных шансов [Гидденс, 1994].

По аналогии с экономическим понятием воспроизводство человеческого потенциала может быть простым и расширенным: в этих случаях речь идет о сохранении и увеличении человеческого потенциала. Кроме того, можно говорить и о сокращении человеческого потенциала («отрицательное воспроизводство»). Другой принцип дифференциации воспроизводственных процессов – выделение межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала и воспроизводство собственно человеческого потенциала. В рамках семейного поведения межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала включает рождение и воспитание детей.

Межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала, когда речь идет о рождении и воспитании детей, не подразумевает в явном виде спрос на формируемые параметры человеческого потенциала подрастающего поколения². Здесь можно говорить, во-первых, о его *предполагаемых* востребованных параметрах. Во-вторых, в силу большей неопределенности целевых ориентиров формирование человеческого потенциала детей не столько целерационально, сколько ценностно-рационально.

В контексте анализа воспроизводства индивидуального человеческого потенциала социальные риски предстают в следующей конфигурации:

- дефицит ресурсов для воспроизводства человеческого капитала на макро-, мезо- и микроуровнях;
- неравенство в доступности социальных услуг (медицинских, образовательных, рекреационных и др.) и их качестве;
- формирование поведенческих образцов, разрушающих механизмы индивидуального и межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала;
- неблагоприятные условия «капитализации» (реализации) человеческого потенциала.

В качестве гипотез исследования мы предполагаем, что масштаб ресурсной обеспеченности обуславливает диапазон способов и практик сохранения и развития человеческого потенциала; качество социальной инфраструктуры региона проживания задает возможности использования экономических ресурсов для развития человеческого потенциала.

Ниже представлены теоретические индикаторы, на которых может базироваться эмпирическое исследование рисков формирования, использования и воспроизводства человеческого потенциала (табл. 1).

Теоретические индикаторы социальных рисков воспроизводства человеческого потенциала

товки, снижении значимости нравственных норм, создании культа ложных ценностей и т. д. [Социально-демографическая безопасность России, 2008. С. 13–14].

² Однако в таком ключе отдельным предметом обсуждения может быть государственная демографическая политика, стимулирующая рождение детей, что может быть интерпретировано как предъявление спроса на детей.

Параметры социальных рисков	Уровень анализа		
	макро- (общество, государство)	мезо- (регион, отрасли)	микро- (индивиды, семейное окружение)
1	2	3	4
Ресурсный дефицит	Государственные расходы на образование, здравоохранение, на развитие культуры и искусства и другие направления социальной политики Отношение величины доходов населения к величине минимального потребительского бюджета; структура населения по ресурсной обеспеченности	Отношение величины заработной платы в отрасли к величине минимального потребительского бюджета	Отношение величины среднедушевых доходов в семье к величине минимального потребительского бюджета
Неравенство в доступности и качестве социальных услуг	Доля государственных расходов и расходов населения на здравоохранение в общем объеме расходов на здравоохранение; доля государственных расходов и расходов населения на образование в общем объеме расходов на образование	Территориальная (временная и транспортная) доступность объектов социальной инфраструктуры	Время ожидания медицинской услуги; доля населения (%), не получившего медицинские услуги при потребности в них; доля социальных групп (%) среди получивших социальные услуги по сравнению с долей этих групп в общей совокупности (при условии равенства потребности в данных услугах)
Поведенческие образцы, составляющие механизмы воспроизводства человеческого потенциала	Образовательная мобильность (межрегиональная, между уровнями образования) Доминирующие в обществе (на территории) стереотипы поведения и ценностные установки в отношении здоровья, получения образования, экономической активности		Индивидуальные и семейные практики здоровьесберегающего поведения; индивидуальные и семейные практики и обучения

Окончание таблицы

1	2	3	4
Условия «капитализации» человеческого потенциала	Уровень экономической активности, занятости населения; распределение рабочей силы между сегментами рынка труда (по видам экономической деятельности, работающие по найму и не по найму, в том числе самозанятые; формальная и неформальная занятость и др.); масштабы и характер безработицы; структура населения (экономически активного населения) по величине оплаты труда; социальный статус (престиж) профессиональных занятий		Величина и форма оплаты труда; дополнительные социальные и материальные блага, получаемые индивидом от предприятия (фирмы) или государства в качестве вознаграждения за использование его человеческого потенциала; вид (постоянная, временная, сезонная, случайная, по/не по найму) и сфера занятости; перспективы карьерного и профессионального роста

В интерпретации значений показателей воспроизводства человеческого потенциала важно учитывать субъектность и объектность рисков, т. е. одно и то же явление может иметь разные последствия для различных индивидов и социальных групп. К примеру, образовательная мобильность и связанный с ней переезд в другой регион порождают риск сокращения человеческого потенциала региона-донора, если у совершающих мобильность нет установок на возвратную миграцию. Если принимающий регион заинтересован в притоке населения, «входящая» образовательная мобильность будет иметь для него позитивное значение. Но цепь этих рассуждений можно продолжать с точки зрения возможных рисков, порождаемых большим потоком мигрантов и их адаптацией к локальным условиям.

В качестве резюме отметим, что заключения о рисках, сделанные на основе статистических и социологических исследований, – это обозначение веера возможных последствий настоящей ситуации, принимаемых в ее рамках решений, а также условий, при которых тот или иной вариант развития ситуации наиболее вероятен. Необходимо отдавать себе отчет в том, что оценка последствий как рискованных, т. е. несущих потери для человеческого потенциала, не лишена ценностной составляющей или, как минимум, соотношения с целями социально-экономического развития. Это подразумевает включенность социологов не только в интерпретацию возможных последствий, но и в социальное проектирование.

Глава 2

Риски в формировании демографической среды

Демографический фактор всегда играл фундаментальную роль в истории любого государства, поэтому демографическая безопасность рассматривается как наиважнейшая составная часть, ядро национальной безопасности, поскольку все остальные составляющие национальной безопасности, начиная от военной и кончая экологической, оказывают значительное влияние, в конечном счете, именно на демографическую сферу.

В последнее время в связи со сложной демографической ситуацией в стране проблема демографической безопасности приобретает особую актуальность.

2.1. Основные понятия. Факторы, формирующие демографические угрозы

В современной литературе под демографической безопасностью понимается «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [Геополитика и национальная безопасность..., 1999]. Демографическая безопасность, по мнению Л. Л. Рыбаковского, «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотношение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [Рыбаковский, 2004].

На территории СНГ детальная разработка этой проблемы была предпринята белорусскими демографами и социологами. На основе их исследования в 2002 г. президентом А. Лукашенко был подписан первый в СНГ закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». Понятие демографической безопасности они определяют как «состояние защищенности жизненно важных демографических процессов от реальных и потенциальных угроз» [Шахотько, Привалова, 2001, с. 16–21]. Такое определение позволяет авторам выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на нейтрализацию уже существующих и предупреждение возникновения потенциальных угроз безопасности в демографической среде.

Учитывая нарабатанный опыт при формировании нашего авторского понятия демографической безопасности, мы исходили из следующих основных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения, непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), то рассматриваемое понятие должно исходить из целевых установок именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонент процесса воспроизводства и формирования населения – рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под демографической безопасностью мы будем понимать состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. Демографические

угрозы – явления, тенденции и действия, которые оказывают отрицательное воздействие на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития³, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. в России основной причиной смертности были инфекционные заболевания, сопровождающиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу.

Типы угроз могут различаться в зависимости от признака, принятого за основу классификации [Социально-демографическая безопасность России, 2008]:

по степени универсальности – общие и специфические;

по времени действия – постоянные, длительно действующие, краткосрочные;

по способу действия – открытые (явные) и скрытые (латентные);

по источникам возникновения – естественные (природная стихия) и искусственные (результат человеческой деятельности);

по характеру возникновения – преднамеренные (с целевой установкой на возникновение) и непреднамеренные;

по характеру действия – проявляющиеся постепенно или внезапные, причиняющие ущерб прямо (непосредственно) или косвенно;

по степени опасности – с последствиями устранимыми, неустранимыми, устранимыми частично;

по возможности предотвращения – угрозы, которые можно предупредить полностью, частично и невозможно предотвратить совсем.

Указанные признаки могут быть положены в основу многомерной классификации угроз демографической безопасности.

В целом разработка проблемы демографической безопасности на региональном уровне должна включать в себя следующие важнейшие этапы:

– формирование целевых установок, на которые должна быть ориентирована демографическая безопасность;

– определение факторов, формирующих демографические угрозы;

– выявление реальных и потенциальных демографических угроз;

– разработку индикаторов демографических угроз и определение предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;

– создание методики построения обобщенной индикативной оценки региональных демографических угроз и проведения сопоставимого регионального анализа;

– разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

Целью демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз. Это общая цель для всей страны в целом. На уровне Сибири и восточных регионов страны важной целью демографической безопасности, имеющей не только социально-экономическое, но и геополитическое значение, является закрепление на этих территориях значительной численности постоянного населения, а также заселенность приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока.

---

³ Национальные цели демографического развития должны формироваться, исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяются внутренние и внешние по отношению к данной территории (федеральному округу, экономическому району, области, краю).

К внутренним факторам, формирующимся на уровне страны, следует отнести:

- экономико-географическое положение региона и его ресурсную базу, оказывающие влияние на формирование населения;
- исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;
- уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);
- сформированную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и центра, оказывающих значительное влияние на формирование внутрисоссийских потоков миграции с востока на запад;
- нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;
- реализацию политики государства (в том числе демографической политики), оказывающей воздействие на все стороны жизни страны.

К внешним факторам по отношению к региону и стране в целом относятся:

- состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки;
- целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил по формированию демографических рисков.

Рассматривая более детально внутренние факторы, формирующие демографические угрозы, отметим, что *экономико-географическое положение региона и его ресурсная база, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в размещении и формировании населения*, могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, что, с одной стороны, создает относительную избыточность населения и перенаселенность территорий, а с другой – ведет к обезлюдению целых пространств; формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, а это приводит в свою очередь к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, использующие мужскую рабочую силу, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, например Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре этих территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост разводимости, внебрачной рождаемости, числа неполных, бездетных и малолетних семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий и др.

Говоря об уровне социально-экономического развития территории и его влиянии на формирование демографических угроз, необходимо отметить, что показатели социально-экономического развития территории через показатели уровня жизни населения данной территории оказывают влияние на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. Особенно отчетливо это можно проследить в период радикальных преобразова-

ний, происходивших в России с начала 1990-х гг. и приведших в том числе к возникновению социально-демографических проблем, на примере таких показателей, как смертность, рождаемость и миграция.

Регионы Сибири, ориентированные ранее на экстенсивное освоение природных ресурсов, на развитие научно-производственного комплекса и оборонного потенциала страны, столкнулись с острейшими социально-экономическими проблемами. В результате за время реформ основная масса населения столкнулась со значительными трудностями в обеспечении удовлетворительного существования своих семей. Для них реальной стала угроза неудовлетворения первичных потребностей в питании, одежде, жилище, не говоря уже об удовлетворении вторичных потребностей – доступности детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и досуга⁴. Это оказало существенное влияние на смену жизненных стратегий и ценностных ориентаций населения, направленных не на развитие, а на поиск доступных средств существования, переход на новые рабочие места, часто не соответствующие профессиональным и образовательным возможностям личности, на рост социальной отчужденности и люмпенизацию отдельных слоев населения. В такой ситуации у людей возникает чувство неуверенности и тревоги за свое будущее. И как следствие этого – широкое распространение алкоголизации и наркотизации населения, рост заболеваемости и смертности, в том числе и молодого населения трудоспособного возраста, прежде всего, от несчастных случаев, отравлений, травм, нервных расстройств, убийств и суицидов.

Эти же психологические факторы (неуверенность и тревога за свое будущее) сыграли важную роль и в формировании репродуктивного поведения населения, значительно сократив уровень рождаемости и усилив негативную составляющую естественного прироста. Экономический кризис 1998 г. еще более усугубил ситуацию. Однако стоило властям после 2005 г. уделить внимание нуждам граждан, как это тут же положительно отразилось на демографических показателях. Отрицательный естественный прирост стал быстро сокращаться, и в 2009 г. впервые с 1993 г. СФО удалось выйти на положительный естественный прирост (1221 чел.), даже несмотря на кризис, начавшийся в 2008 г. Таким образом, мы видим, что демографическая сфера весьма чувствительна к внешним воздействиям, как позитивным, так и негативным. И усилия, приложенные для улучшения демографической ситуации, вовсе не бесполезны, как утверждали некоторые скептики, а, наоборот, оказались даже более результативны, чем ожидалось.

Кроме того, в 1990-е гг. произошло снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами, многие россияне оказались не в состоянии реализовать свои миграционные намерения. В результате показатели межрегиональной миграции в 1992–2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших снизилась с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших – с 3,9 млн до 2,1 млн чел., соответственно. Изменился и вектор перемещения населения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в южные и центральные регионы России, в крупные урбанизированные центры; миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию; усилился «западный дрейф» мигрантов через выраженную полярность центра страны (притягивающего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем регионам) [Иностранцы мигранты..., 2006].

Значительное влияние на формирование внутрисюрийских потоков миграции с востока на запад оказала и сложившаяся экономическая и финансовая основа взаимодействия территории и центра, когда значительные финансовые потоки концентрируются в крупных городах европейской части России. То есть в случае межрегиональных различий

---

⁴ Доля работников с заработной платой ниже прожиточного минимума в Сибири составляла в 2000 г. 44,4 %, а в 2002 г. – 28,4 %.

в уровне жизни населения перемещение рабочей силы осуществляется вслед за капиталом и, пока не устранены диспропорции в перераспределении капитала, миграционная картина не изменится.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как *нарушение этнокультурных традиций населения страны*. Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении веков, представляет уникальную возможность доступа к будущему, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущих со стороны Запада при массивной поддержке СМИ, приводит в России к деградации общества и, соответственно, к вырождению. В этой связи следует отметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит. Это происходит либо за счет традиционно высокой рождаемости, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо за счет повышенной по сравнению со среднероссийским уровнем рождаемости и более низкой смертности, как это происходит на Северном Кавказе. Причину относительно низких показателей смертности населения республик Северного Кавказа исследователи видят среди прочих в практическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на население в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому особенно подвержены коренные народы Сибири и Севера. Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата, развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздействиям извне. А кроме того, традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не чувствуют себя балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний и традиций новым поколениям, способствует большей продолжительности жизни.

Что касается последнего из внутренних факторов – *реализации политики государства*, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти десяти лет в России не были сформулированы даже цели демографического развития страны. Поразительно, но за почти два десятилетия депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, Минздрава, Государственной Думы, посвященных важнейшему вопросу – поиску причин сверхвысокой смертности, в том числе сильно возросшей смертности от болезней системы кровообращения. Лишь в сентябре 2001 г. была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных, так и миграционных компонент. Комплекс мер демографической политики касался в ней трех основных направлений: повышения рождаемости и укрепления института семьи; улучшения здоровья и роста продолжительности жизни; обеспечения необходимого миграционного прироста и совершенствования привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ в соответствии с Концепцией на федеральном уровне разработано не было. В некоторых регионах России в эти годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Однако ориентация на собственные ограниченные ресурсы при отсутствии поддержки со стороны федеральных властей, а самое главное, слабая проработка целей и механизмов их достижения, привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски как в составляющих естественного, так и всех видов механического движения

населения, то такой из внешних факторов, как *состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки*, касается только межгосударственной миграции.

В начале 1990-х гг. при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение людей в этих странах из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий регионов России для развития трудовой миграции 1990-х гг. заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, позволяющих свободно пересекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, пребывать и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия вводятся новые официальные нормы международной миграции для стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русский и тюркский), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и идеологии выработало у населения этих стран общие коммуникативные нормы и образцы социальной организации.

Однако, несмотря на значимые социальные функции, потоки такой миграции привнесли и целый ряд рисков: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост наркомании, этническую преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угрозу потери стратегических территорий и т. д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества, связанные с массовым привлечением мигрантов с целью усиления трудового и демографического потенциалов территорий.

Другим важнейшим внешним фактором является *целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил* по формированию демографических рисков [Соболева, Чудаева, 2008]. В высказываниях некоторых видных западных политиков звучала мысль о том, что Западу не нужна сильная Россия, после проигрыша в холодной войне она должна быть расчленена, а ее роль низведена до сырьевого придатка, обеспечивающего ресурсами благополучные страны. И важнейшую роль в ослаблении страны должно сыграть сокращение численности населения через снижение рождаемости и рост смертности.

В стратегии национальной безопасности США в качестве важнейших составляющих декларируется обеспечение беспрепятственного доступа к ключевым районам мира и глобальным ресурсам. На Западе уже неоднократно озвучивались идеи о том, что огромные ресурсы России должны быть интернационализированы. Два бывших госсекретаря США М. Олбрайт и К. Райс формулировали этот тезис практически одинаково: Сибирь слишком большая, и несправедливо, что она принадлежит только одной стране. А вот что писал З. Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»: «... чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь: ей не под силу одолеть эту задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае». А вот как выглядит эта помощь на практике: в начале 1990-х гг., когда Россия находилась в шоковом состоянии от инициированных Западом и проводившихся под его контролем реформ⁵, практически лишенная суверенитета и имевшая огромный внеш-

---

⁵ По мнению А. Антонова, демографический кризис в России связан с социально-экономическими и политическими реформами, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643).

ний долг, для США наступил подходящий момент для обсуждения возможности покупки Сибири, которую Россия, по их мнению, никогда не сможет не только освоить, но и даже заселить, по аналогии с Аляской. Можно также вспомнить и нашумевшую работу ученых из Брукингского института, одним из основных выводов которой было утверждение о том, что в Сибири жить невозможно, отсюда следовал совет – переселить население на территории с более благоприятным климатом. То есть самим расчистить богатую природными ресурсами территорию от населения для новых хозяев, что и осуществлялось, например, для некоторых северных территорий за счет кредитов МБРР⁶.

Б. Грызлов, выступая на встрече в Мурманске в 2007 г., высказался категорически против программы переселения людей с Севера. Он заявил, что освоение северных территорий является стратегической задачей для нашей страны. Между тем «есть мнение, что надо с Севера переселять людей, внедрять вахтовый метод», – заметил он. Более того, по словам спикера, существуют программы переселения людей с Севера. Это «антистратегическая программа», по мнению Б. Грызлова. Он убежден, что «наоборот, Север надо обустраивать, создавать комфортные условия для жизни». «Север для России – не обуза, – подчеркнул Б. Грызлов – 60 % валютных запасов страны поступает с северных территорий. Если говорить о месторождениях, то здесь 93 % запасов нефти, 75 % – газа, 100 % – алмазов, половина леса, 90 % меди и никеля, две трети золота – это все северные территории» [Грызлов, 2007].

Изложенные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы и риски, в разной степени оказывают влияние на отдельные составляющие демографической ситуации.

Наиболее значимые последствия современных демографических угроз проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

- длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) – депопуляция;
- низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число аборт, сравнимое с числом рождений;
- высокий уровень смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, туберкулеза, проблем иммунодефицита;
- низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых этносов;
- нарушение половозрастной структуры населения за счет естественного и механического движения и в том числе гендерная асимметрия в составе населения;
- сокращение численности населения трудоспособного возраста, его старение и в то же время рост экономической нагрузки за счет старого населения;
- снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;
- трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и, как следствие, – высокий уровень разводов и рост количества неполных семей и внебрачной рождаемости, рост бездетных и малодетных семей, брошенные старики и социальное сиротство и т. д., влекущие за собой целый спектр социальных проблем;
- сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса; обезлюдение в результате депопуляции и длительного миграционного оттока с обширных бога-

---

⁶ Речь идет о переселении жителей Воркуты, Норильска и Сусуманского района Магаданской области в рамках пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера за счет кредитов Международного банка реконструкции и развития.

тых природными ресурсами планетарного масштаба и стратегически важных территорий в условиях обостряющейся в мире борьбы за ресурсы и изменяющегося климата;

- необходимость сохранения территориальной целостности в условиях депопуляции.

2.2. Методика измерения демографической безопасности на региональном уровне

Индикаторы демографических угроз – функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер.

Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в агрегированном виде.

В зависимости от тактики и задач анализа конкретных демографических проблем в методике формирования демографических индикаторов в анализе такого крупного региона, как Сибирь, следует выделять два этапа.

На первом этапе – мегауровне – необходимо определить рейтинг территорий (области, края) по отдельным наиболее важным составляющим демографического развития. На этом этапе используются агрегированные показатели, каждый из которых описывает основные количественные или качественные характеристики воспроизводства населения. С помощью такого анализа можно определить рейтинг территории, выделить области (края), находящиеся в лучшем и худшем положении относительно указанных проблем демографического развития. Данный подход предполагает разработку совокупности индикативных показателей, описывающих все стороны рассматриваемого явления. В качестве таких показателей для анализа демографических проблем на этом уровне мы выделяем следующие:

1. *Индикативный показатель естественного прироста населения*, складывающийся из трех показателей, каждый из которых учитывается с одинаковым весом (рис. 2.1).

Рис. 2.1.

- Коэффициент естественного прироста населения в году $t - e^t$.
- Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние пять лет

$$e^{5t} = \sum_{i=t-4}^t e^i / 5.$$

- Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние 10 лет

$$e^{10t} = \sum_{i=t-9}^t e^i / 10.$$

2. *Нетто-коэффициент воспроизводства*, показывающий степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности.

3. *Индикативный показатель заболеваемости по нозологиям, вносящим основной вклад в уровень смертности населения* и составляющим более 80 % всех случаев смерти (H^t), складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.2).

Рис. 2.2.

- Заболеваемость населения болезнями системы кровообращения ($h^t_{\text{сист. кровооб}}$)
- Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями ($h^t_{\text{злокач. новообр}}$).
- Заболеваемость населения, связанная с несчастными случаями, отравлениями и травмами (последствия воздействия внешних причин) ($h^t_{\text{внеш}}$).

4. *Индикативный показатель заболеваемости по социально значимым группам болезней* ($H^t_{\text{соц. знач. заболев.}}$) складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.3).

Рис. 2.3.

- Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами ($h^t_{\text{алкогол}}$).
- Заболеваемость населения наркоманией ($h^t_{\text{нарком}}$).
- Заболеваемость населения, связанная с психическими расстройствами и расстройствами поведения ($h^t_{\text{психич}}$).

На втором этапе анализа – мезоуровне – для каждой выделенной территории (области, края) проводится углубленный динамический анализ демографической безопасности по более широкому кругу показателей, описывающих процесс воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической). Цель такого стратегического анализа состоит в выявлении угроз демографической безопасности на ранних стадиях их формирования до того момента, когда эти угрозы могут окончательно сформироваться и быть реализованы.

Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменений, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество всех видов показателей демографических угроз мезоуровня сводится к следующим блокам:

1. Естественное движение.
2. Состояние здоровья (качественные характеристики воспроизводства населения).
3. Демографические характеристики семьи.
4. Миграция и расселение.
5. Этнодемографическая структура.

Все показатели каждого из указанных блоков вместе со своими пороговыми значениями и вероятными демографическими последствиями представлены в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
Естественное движение населения			
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,6	2,15	Депопуляция (отсутствие простого замещения поколений), старение населения
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67 – все население; 61 – мужчины, 73 – женщины	70 – все население; 65 – мужчины, 75 – женщины (данные по РФ в 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста (число умерших на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)	7,2 – все население; 11,0 – мужчины, 3,2 – женщины	3,8 – все население; 5,5 – мужчины, 2,3 – женщины (данные по РФ в 1960 г.)	Нарушение половозрастной структуры населения, сокращение демографического потенциала
Младенческая смертность (число умерших до года детей на 1000 родившихся живыми)	9,1	В 1,5–2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей, старение населения
Здоровье (качественные характеристики воспроизводства населения)			
Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей и подростков (0–17 лет), %	12–15	80 % от общей численности детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения
Детская и подростковая инвалидность, %	2,0	1 % от общей численности детей и подростков	Сокращение здорового поколения и демографического потенциала
Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15–20	5	Нарушение процессов воспроизводства
Число прерванных беременностей на 100 родов	86	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное снижение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост доли бездетных и малодетных семей
Осложнения беременности, родов и послеродового периода на 1000 рождений	1627	Необходимо снижение показателя	Негативное воздействие на здоровье (в том числе репродуктивное) матерей и их детей

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4
Характеристики семьи			
Число разводов на 1000 браков	602	404 (данные по РФ в 1987 г.)	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	33,1	4,0	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в общей численности детей, %	4,3 % от численности детей в возрасте 0–14 лет	0,5–1,0 % от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство
Механическое движение населения			
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) между регионами в пределах России	-1,0	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны	Обеспечение территорий (в том числе стратегически важных и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) в результате обмена населением с зарубежными странами	1,7	Дифференцированный показатель в зависимости от стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической стабильности и утраты контроля за территориями
Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	4,3	Дифференцированный показатель в зависимости от стра-	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической

Окончание табл. 1.2

1	2	3	4
Заселенность стратегически важных территорий (в том числе приграничных) постоянным населением (плотность населения)	3,9	геогической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов Дифференцированный показатель в зависимости от расположения стратегически важной территории	стабильности и утраты контроля за территориями Сокращение численности поселений, обезлюдение территории

Этнодемографическая структура населения

Доля государствообразующего этноса в общей численности населения*, %	87,4	Дифференцированный по регионам показатель. Необходимо не допускать снижения ниже определенного уровня	Сокращение доли государствообразующего этноса, ослабление страны
Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1,0/1,11	1,2/1,0	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем

Примечание. Данный показатель рассчитывается по данным переписи населения.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики.

Вместе с тем, такие индикаторы, как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, могут быть рассчитаны только на основании региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только такой индикатор, как коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в эконо-

мике), не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности ФМС регионов, а, следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и в будущем, они могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом новой Концепции демографической политики Российской Федерации и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве субъекта демографической безопасности на региональном уровне должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографического развития субъекта РФ, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, чья деятельность состоит в пропаганде семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и в профилактике заболеваний. Важна и роль ученых в обеспечении информацией общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.

Глава 3

Этнические риски развития человеческого потенциала: теория и методики оценки

В современной России особую значимость приобретают вопросы прогнозирования развития. «Не реализовав масштабный, долгосрочный проект демографического развития, наращивания человеческого потенциала, освоения своих территорий, мы рискуем превратиться в глобальном смысле в “пустое пространство”, судьба которого будет решаться не нами» [Путин, 2012]. Развитие человеческого потенциала становится стратегической задачей государства.

Впервые понятие «человеческое развитие» было сформулировано в 1990 г. в докладе Программы развития ООН в контексте «расширения спектра выбора» личности. Важнейшими элементами выбора были признаны: «жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни»; дополнительными факторами стали политическая свобода, гарантированные права человека и самоуважение [ООН опубликовала Индекс человеческого развития..., 2011]. Время показало недостаточность этого определения, и в 2010 г. было предложено новое: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на нашей общей планете» [Доклад о развитии человека., 2010].

В Докладе о человеческом развитии 2011 г. (Human Development Report) – «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех», подготовленном Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Россия занимает 66 место из 187 с индексом человеческого развития 0,755 и находится в середине списка высокоразвитых, по оценке ПРООН, государств. Это демонстрирует относительно высокое качество человеческого потенциала и одновременно ограничения в его развитии, связанные с проблемами социально-экономического неравенства, низкой продолжительностью жизни, экологическими проблемами, высокой межнациональной напряженностью и проч. [Устойчивое развитие., 2012]. Ограничения в развитии человеческого потенциала формируют пространство риска. В современных исследованиях методология оценки рисков сквозь призму интересов общества и личности предполагает использование двух основных методологических подходов.

Традиционно риски в социально-политическом и социокультурном измерениях описываются на основе концепции идентичностей (включающих этничность). Этот подход опирается на категории «меньшинства» и «базовых групповых человеческих потребностей» и на понятие «групп риска». Согласно этим подходам, социум (этническая группа) обладает некими базовыми потребностями – стремлением к обеспечению выживания, целостности и суверенитета. Если сообщество (меньшинство) не может удовлетворить свои «базовые потребности», испытывая различные формы социальной депривации и политической дискриминации, оно пребывает в состоянии риска и может либо исчезнуть, либо начать борьбу в защиту своей идентичности. При таком подходе, риск – это существование или возможность возникновения ситуации, когда формируются предпосылки противодействия реализации базовых этносоциальных ценностей личности или группы; они являются факторами развития конфликта – конфликтогенными факторами.

Одним из примеров исследований в такой парадигме является проект «Меньшинства в состоянии риска» (Minorities at Risk/MAR). Проект был инициирован Т. Гарром в 1986 г.;

с 1988 г. работу по нему вел Центр международного развития и управления конфликтами Университета Мэриленда (The Center for International Development and Conflict Management/CIDCM). Проект обобщил данные об этнических меньшинствах и конфликтах с участием меньшинств в странах мира с населением более 500 тыс. чел. Статистическая база данных и ее аналитика разрабатывались на протяжении 2000-х гг. Информация по этническим меньшинствам была представлена следующими группами показателей: I) характеристики сообщества (индикаторы идентичности; оценки численности населения; показатели различности; концентрация); II) статус (индикаторы исторического опыта автономизации и сепаратизма; организация групп и представительство; притеснения); III) внешняя поддержка (поддержка родственных групп, иностранных государств и межправительственных организаций; поддержка неправительственных организаций); IV) конфликтное поведение (внутриобщинные конфликты; межобщинные конфликты; протестное поведение; восстания и бунты; репрессии государства в отношении групп меньшинств) [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект определял «меньшинство в состоянии риска» как группу, которая претерпевает коллективные страдания и систематическую дискриминацию в обществе и мобилизуется для отстаивания интересов или собственной защиты. С 2004 г. появились следующие дополнительные критерии: членство в группе обусловлено преимущественно происхождением; членство в группе осознается как важное в психологическом, нормативном и стратегическом аспектах; члены группы разделяют некие общие культурные нормы, такие как язык, религия и обычаи; группа насчитывает, как минимум, 100 тыс. чел. и составляет не менее 1 % от общего населения страны. В ходе исследований была обоснована 71 ключевая переменная анализа. Этим критериям удовлетворяли 282 этнополитические группы. Проект имел две смежные базы данных: «Организации меньшинств» (Minorities at Risk Organizational Behavior) – 118 этнополитических организаций, представляющих 22 группы меньшинств из 26 стран Среднего Востока и Северной Африки за 1980–2004 гг.; «Дискриминация» (Discrimination Dataset) – показатели уровня политической и экономической дискриминации групп, входящих в базу «Меньшинства в состоянии риска» за 1950–2003 гг. [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект «Меньшинства в состоянии риска» опирался на теорию и практики оценки и регулирования мировых социокультурных и политических процессов, сложившихся в XX в. По мнению ведущих аналитиков современности, в том числе М. Кастеллса, это была эпоха меньшинств и различных социальных и культурных движений, которые представляли собой реакцию на глобальную экономическую и культурную унификацию. «Власть идентичности» правила миром [Castells, 1997]. После Второй мировой войны одновременно с крушением колониальной системы и развитием транснациональной миграции в мировых законодательных и общественных практиках утвердилось признание этнокультурного многообразия как важнейшей характеристики социальной гармонии.

К числу документов, подтвержденных ООН, ЮНЕСКО, МОТ и другими международными организациями и ориентированных на утверждение принципа культурного многообразия, относятся: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.); Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.); Декларация тысячелетия (2000 г.); Хартия земли (2000 г.); Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.); Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 г.); Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и доступе к киберпространству (2003 г.); Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.); Всемирный доклад о культурном разнообразии (2008 г.) и т. д. Согласно Всемирной декларации ЮНЕСКО, защита культурного разнообразия является этическим императивом человечества: «Она подразу-

мекает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения» [Всеобщая декларация ЮНЕСКО, 2001].

В начале XXI в. парадигма полиэтничности остается одной из доминант политического структурирования не только России, но и мирового сообщества в целом. Утрата этничности, как одной из составляющих структуры идентичностей современного человека, часто расценивается с позиций риска. Но при этом, характеризуя события XX в., эксперты отмечают, что он войдет в историю как период противостояния двух важнейших тенденций: растущего осознания групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

В сентябре 2002 г. в Страсбурге проводился симпозиум Совета Европы, на котором в рамках проекта «Межкультурный диалог и предупреждение конфликтов» экспертным сообществом обсуждались источники и детонирующие механизмы межкультурных и межрелигиозных конфликтов, определялись меры предупреждения этих конфликтов, а также меры урегулирования постконфликтных ситуаций. Целью этого симпозиума, как указано в отчете о его работе, являлось «помочь управленцам на всех уровнях (локальном, региональном и национальном), гражданскому обществу и акторам, работающим на местах, определить политику диалога, включающую в себя все способы выражения культурного многообразия». В том же документе межкультурный и межрелигиозный диалог рассматривается как один из главных способов предупреждения или урегулирования уже возникшего конфликта – идея, нашедшая свое окончательное оформление в Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу [Dialogue au service, 2002].

Риск возникновения конфликтов связан со столкновением различных систем ценностей. На макроуровне это выражено возможностью возникновения конфликтов при взаимодействии в одном государстве различных этнокультурных сообществ, а также между государствами (экстремизм, национализм, мигрантофобия, этноцентризм и др.). В Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу, изданной в 2008 г., к таким рискам причисляется следующее:

1) развитие стереотипного представления о других культурах, установление климата взаимного недоверия, напряженности и беспокойства в обществе, провоцирующего развитие нетерпимости и дискриминации;

2) лишение человека возможности новых культурных открытий, которые необходимы личностному и социальному развитию индивида в контексте глобализации;

3) образование замкнутых, изолированных сообществ, ведущее к развитию в них удушающего конформизма;

4) создание благоприятной почвы для появления и развития экстремизма, трансформирующегося в терроризм;

5) создание в изолированных и настроенных враждебно по отношению к другим культурам сообществах неблагоприятного климата для индивидуальной автономии личности и свободного осуществления прав человека и основных свобод;

6) возникновение масштабных общественных конфликтов и потрясений, уносящих миллионы человеческих жизней [Livre Blanc sur le dialogue interculturel, 2008].

Лидер этнополитологии в России В. А. Тишков подчеркивает: «Вторая половина XX века стала свидетелем действительно глобального явления – эскалации насилия и войн внутригосударственного характера. Большинство этих войн и конфликтов – это так называемые войны “за идентичность и веру”, т. е. войны за этническое самоопределение, сепаратистские или ирредентистские политические проекты. Часть конфликтов – это вооруженная борьба

за власть над центральным правительством разных соперничающих группировок, опирающихся на представителей той или иной этнической или религиозной общины, проживающих в едином государстве. Только за период с 1990 по 1995 г. 70 государств были вовлечены в 93 войны, в которых было убито 5,5 млн чел. Три четверти этих жертв – гражданское население, включая один миллион детей». В том числе вооруженные действия в Чечне 1994–1996 и 1999–2001 гг. унесли более 40 тыс. жизней российских граждан [Тишков, 2012].

Конфликты, рожденные конкуренцией идентичностей, ставят под угрозу возможность воспроизводства человеческого потенциала. Признавая значение этнокультурного многообразия и настаивая, вслед за В. А. Тишковым, на выработке в обществе конструктивного (позитивного и толерантного) отношения к этой стороне российской действительности, авторы данного текста ориентируются на приоритетность эффективной политики государства в пользу личности и общества. На протяжении 1990-2000-х гг. кампании Чеченской войны, конфликты в Дагестане, Осетии, Карелии, на Ставрополье сделали важными для России разработку стратегий нейтрализации этнических рисков и предотвращения конфликта через эффективное управление полиэтничными сообществами.

По определению одного из ведущих антропологов-экспертов России М. Н. Губогло, «содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т. е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и психологическими аспектами этнических общностей и групп. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором» [Губогло, 2003, с. 721].

Этническое многообразие современной России признается политическим и культурным императивом на уровне политического, академического и легитимного общественно-публицистического дискурсов. Но определение риска лишь на основе методологии и практики этнического партикуляризма представляется не достаточно эффективным. Всестороннее изучение этносоциальных процессов последних десятилетий, оценка развития политических и культурных взаимодействий различного, в том числе транснационального, уровня, пересмотр ценностей мультикультурализма в пользу интеркультурализма и, наконец, понимание того, что этносоциальные и политические проблемы возникают не только из-за протестов меньшинств, но и из-за позиции большинства, приводят к корректировке методологических принципов этносоциальных исследований. Как считает В. А. Тишков, «наступающий новый век будет временем реакции групп большинства на несостоятельные проекты от имени меньшинств по разрушению общего политического пространства вместо улучшения системы правления и культурной политики в рамках общего государства» [Тишков, 2000].

Оценивая в рамках данного исследования риск как потенциальную возможность материальных, физических, социальных потерь общества, отдельных индивидов и групп и угрозу для их жизненных шансов, следует подчеркнуть, что в сфере долгосрочного планирования и государственной политики эта категория соотносится с представлением о национальной безопасности.

Ориентация на приоритет государства и концепцию гражданской нации определяет методологический подход к оценке рисков, который становится реальностью российской гуманитарной науки в последнее десятилетие. При оценке современной ситуации в России авторы фундаментального исследования «Стратегические риски России: оценка и прогноз» (2005 г.) используют категорию стратегических рисков, подразумевая под ними «угрозы национальной безопасности и устойчивому развитию страны, обусловленные уязвимостью населения, хозяйственных объектов и окружающей их природной среды к разру-

шительному воздействию различных источников и факторов опасности... В более же узкой трактовке, как управленческой категории, стратегический риск может рассматриваться в качестве меры возможности наступления негативных последствий для национальной безопасности и устойчивого развития страны при принятии неэффективных или непринятии стратегических решений в сфере (обще)государственного управления» [Стратегические риски..., 2005, с. 35]. Речь идет о сочетании вероятности таких неблагоприятных событий (кризисов, катастроф, стихийных бедствий и проч.) и ущербов от них, которые существенно снижают уровень защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [Стратегические риски., 2005, с. 35].

К числу стратегических рисков наряду с прочими отнесены: возрастание угроз терроризма, возможность внутригосударственных межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов; соединение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, когда те и другие принимают экстремальные формы; изменение социальной структуры и духовный кризис также соотносятся с этнокультурными и социально-политическими трансформациями общества и формируют современные риски России [Стратегические риски., 2005].

Говоря об этнических аспектах рисков развития человеческого потенциала в рамках данной работы, следует сослаться на Концепцию национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. в ее новой редакции 2000 г. и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденную Указом Президента от 12 мая 2009 г. В концепции государственной национальной безопасности России подчеркивается: «Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства России и его важнейших составляющих – производственно-технологических и транспортных связей, финансовобанковской, кредитной и налоговой систем. Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях регионов и центра, представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации. Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов» [Концепция национальной безопасности РФ..., 2000].

Развитие концепта национальной безопасности связано с утверждением по Указу Президента РФ от 19 декабря 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., ориентированной на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан.

Стратегия, предполагающая активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их языков и культур, является частью стратегического планирования в сферах обеспечения национальной безопасности. Она носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер; призвана развивать потенциал многонационального населения Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) [Стратегия государственной национальной политики., 2012].

Национальная безопасность, таким образом, соотносится с исторически сформированной полиэтничной структурой России, в настоящее время закреплённой в иерархии

этнополитических и этнотерриториальных автономий, в сложной инфраструктуре национально-культурных центров, автономий и проч. Признание необходимости сохранения этнокультурного многообразия, ориентированного на идентичность, при условии интеграции определяет специфику исследовательского подхода в рамках данной работы.

Итоги международных и российских программ мониторинга конца 2000-х гг. позволяют утверждать, что не менее 65–68 % населения страны ощущают себя российскими гражданами. Но при этом этничность сохраняет свою актуальность в их самоопределении. Данные всероссийского опроса Института социологии РАН 2011 г., приведенные Л. М. Дробижевой, показывают, что 82 % опрошенных относят себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности», и 79 % полагают, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» [Дробижева, 2011].

Полиэтничность во многом определяет перспективы развития государства, контекст становления российской гражданской нации и ее ценностей и перспективы развития человеческого потенциала на общегосударственном и региональном уровнях.

Оценка рисков в этнической сфере сопряжена с категорией конфликта, которая активно разрабатывается в мировой науке, начиная с 1950-х гг. Первоначально этничность оценивалась лишь как вторичный признак, как эпифеномен⁷. Существовало представление о том, что этнические конфликты будут отходить на второй план по мере модернизации. Однако этноконфликты не прекращались, и к концу XX в. в мировой науке утвердился полипарадигмальный подход их изучения. В. А. Тишков рассматривает этнический (этнополитический) конфликт «как форму гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровнях, при котором хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности». Этнополитические конфликты предполагают борьбу различных социальных групп, организованных по этническому признаку, который становится основанием их идеологического и политического противостояния [Тишков, 2012, с. 634].

Этнические конфликты относятся к числу наиболее реальных рисков современного мира и России. Они возникают в результате социальных и экономических причин, однако основой для их возникновения является феномен этнических интересов и памяти. Рост напряженности в ходе этнического конфликта сопровождается эскалацией насилия, развитием этнонационального фанатизма и установлением иррациональных стандартов во взаимодействиях. Конфликт способен развиваться от кризиса (вызова) к реализованной опасности. Динамическая модель конфликта предполагает, что любой конфликт, прежде чем обрести открытую форму, проходит ряд латентных стадий и предполагает фазу риска.

При всех различиях в подходах и трактовках, в отечественной науке под риском стали понимать существование или возможность возникновения такой ситуации, когда формируются предпосылки (накапливается потенциал) противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей решению задач обеспечения национальной безопасности. Ориентируясь на достижение стратегических целей, российская наука обратилась к созданию системы управления конфликтами и рисками. С 1990-х гг. началась активная деятельность по непрерывному обновлению и анализу информации, а также осуществление контроля над общественными процессами с целью предотвращения и минимизации рисков, оценки эффекта их воздействия на реализацию стратегической цели.

В 1993–1995 гг. были осуществлены масштабные исследования, посвященные конфликтам, в том числе проект «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов». В 1996 г. Центром социологии межнациональных отноше-

---

⁷ Эпифеномен – придалок к явлению (феномену) побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния (БСЭ).

ний Института социально-политических исследований РАН были опубликованы материалы «Социология межнациональных отношений в цифрах» и «Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах».

В своих разработках российские авторы опирались на работы Т. Парсонса, Т. Гурра, Ч. Тилли, Р. Козора, Дэвиса Д. и др. Востребованным стало определение риска О. Борраза (Центр социологии организаций Национального центра научных исследований Франции/CNRS), данное в его работе «Политика управления рисками». Он подчеркивает, что первоначально общественные науки рассматривали риск как технологию, способную преобразовать неопределенность в измеряемую величину, или, говоря языком социологии организаций, преобразовать «плохо структурируемые проблемы» в проблемы, поддающиеся изучению. Эта технология позволяла определить причины, вероятность возникновения или последствия случившегося, изначально заключавшего в себе неопределенность (как несчастный случай на производстве). В основе такого подхода к определению риска лежал статистический инструментарий, на смену которому пришли научно-технические методы, которые придали риску окраску нейтральности и даже аполитичности.

Сегодня, по мнению О. Борраза, риск рассматривается как качественная характеристика. Речь идет о качестве, которое присваивается деятельности, субстанции или объекту, представляющим неопределенность для интересов, ценностей или целей индивидов, групп или организаций. Таким образом, риск является результатом процесса наделения качеством (оценки) деятельности, субстанции или объекта, целью которого является снижение неопределенности, их окружающей, с тем, чтобы превратить процессы, с ними связанные, в управляемые. Риск – это качественная характеристика, которой то или иное явление наделяется различными социально-экономическими акторами и государством и которая используется для того, чтобы привлечь к той или иной проблеме внимание и подтвердить необходимость (со стороны государства) обеспечения безопасности [Borráz, 2008, p. 11–31].

Категория риска в связи с проблемой управления общественными и экономическими процессами все чаще возникает на уровне прикладных проектов как в мире, так и в России. В русле этой тенденции еще в 1993 г. специалистами Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) была создана сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) с целью определения рисков – существующих или потенциальных угроз конфронтации и конфликтов в странах СНГ и в России и эффективного распространения информации для возможного принятия контрмер со стороны общества и государства. В 1999 г. она была зарегистрирована как региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Оценочная направленность исследований 1990-2000-х гг. была переориентирована на прогностику и проблемы управления конфликтами. В России это во многом было связано с принятием в январе 2000 г. новой редакции Концепции национальной безопасности.

Сообразно с новыми задачами, содержание прикладных исследований EAWARN определяется мониторингом и компаративным анализом на основе экспертных оценок социально-культурной и политической ситуации в странах СНГ, в регионах и местных сообществах России. Разработка методики мониторинга опиралась на мировые практики анализа, начиная с 1970-х гг.

При разработке модели мониторинга директором ИЭА РАН и руководителем EAWARN В. А. Тишковым был создан перечень из 46 индикаторов – от оценки среды и ресурсов до оценки внешних условий, меняющих имидж региона, республики, народа и т. д. Уровень конфликтности рассчитывался как средняя величина баллов, выставляемых экспертом по 46 индикаторам (с коэффициентом текущей значимости каждого индикатора), и представленная для удобства восприятия в процентах от максимально возможной оценки. Категория риска присутствует в этой аналитической схеме, меняя свои качественные характеристики в

зависимости от реальной ситуации в регионе. Риск при индексировании конфликта или конфликтогенной ситуации может быть определен по шкале от 10 до 25 %. При этом конфликт рассматривается как динамичное явление, приоритетными в его развитии считаются факторы экономического, социального, политического и идеологического характера. Именно они могут рассматриваться с позиций оценки риска [Тишков, Степанов, 2004].

На основе изучения большого массива данных и анализа закономерностей развития конфликтов была составлена эмпирическая шкала, позволяющая определить статус текущей ситуации в регионе: общество в состоянии конфликта (конфликтность 75-100 %); частые конфликты (40–75 %); заметные конфликты (25–40 %); в обществе возникают конфликтные ситуации (10–25 %); в обществе периодически возникает напряженность (5-10 %); стабильная обстановка (менее 5 %).

Текущий мониторинг конфликтности и заключения экспертов отражены в бюллетене «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» и ежегодных докладах «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», а также в банке данных «Этничность и конфликты в постсоветских государствах» [Тишков, Степанов, 2004].

Оценки, основанные на мнении экспертов, в значительной степени зависят от наличия или отсутствия у них полноты информации. Субъективизм таких оценок необходимо учитывать, но все же у системы экспертной оценки конфликта пока нет альтернативы. Разработчиками этой методики были даны оценки конфликтности в отношении практически всех субъектов федерации в Сибири – Томской, Иркутской и Омской областей, Республики Алтай, Республики Хакасия, Республики Бурятия, Республики Тыва, Красноярского и Алтайского краев [Тишков, Степанов, 2004; Этнополитическая ситуация в России, 2011]; но анализ ситуации в Новосибирской области не предпринимался. Данный пробел был восполнен в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири», позволившего получить с учетом предложенной EAWARN методики оценку рейтинга конфликтности этого региона (подробнее см. главу 15).

В изучении рисков принципиальное значение имеет их верификация. Общественное сознание, в силу своей природы, в период реформ обостренно реагирует на радикальные, националистические и подобные настроения, встраивая страхи мифологического характера в систему реальных рисков для социума. Реализация крупных социальных проектов предполагает существование фактора неопределенности, что в общественном сознании трансформируется в состояние непредсказуемости будущего. Это делает общество весьма подверженным субъективным факторам (слухам, настроениям лидеров мнений, локальным акциям и т. п.) и нестабильным в традиционной системе социально-экономических констант. Таким образом, общество само создает, транслирует, идентифицирует и реагирует на гипотетические риски.

Исходя из этого, применительно к оценке современной ситуации в России можно говорить о рисках, имеющих коммуникативную природу. Они субъективны по своей сути, возникают и функционируют в общественном сознании. Данные риски получают свое выражение в нарративных формах – средствах массовой информации, блогах, публицистике. Их оценка связана с выявлением и анализом социальных (этносоциальных) фобий – страхов и предубеждений, которые формируют конфликтогенный потенциал межэтнического взаимодействия. В российской этносоциологии предпринимаются попытки эмпирических измерений этих явлений. Примером может быть исследование «Мигрантофобия как фактор межэтнической напряженности», проведенное в Краснодарском крае в 2006 г. Здесь мигрантофобия оценивалась как свойство, противоположное социальному доверию, предполагающему отношения партнерства и проявляющемуся в ощущении безопасности той

или иной группы. Мигрантофобия была оценена как ощущение социальной угрозы, исходящей от иноэтнических групп, а также как осознание претензий этих групп на социальные (социально-экономические) ресурсы. Инструментарий исследования строился на шкальной оценке 17 позитивных и 17 негативных суждений, отражающих наиболее актуальные проблемы социально-экономического (этносоциального) характера, которые с точки зрения местного населения вызывает присутствие мигрантов. Вычисляемый показатель мигрантофобии варьировался в промежутке от -1 до 1, где значение «1» свидетельствовало о наличии в сознании респондента высокого уровня социального доверия, а «-1» – указывал на максимальный уровень мигрантофобии. Высокие показатели мигрантофобии оцениваются с позиций риска, демонстрирующих конфликт интересов по схеме «мы – они», «свое – чужое» [Донцова, 2008, с. 91–96].

Объективированные риски имеют количественное измерение и выступают в качестве индикаторов реальных и потенциальных изменений сообщества. Этнические риски, включенные в общественное сознание и подверженные влиянию внешних факторов, в том числе СМИ, способны кумулятивно усиливать их воздействие. Результаты общероссийского социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом социологии РАН в 2011 г., а также данные социологических исследований в Башкортостане, Татарстане и Республике Саха (Якутия) в 2011–2012 гг., и, кроме того, материалы Европейского социологического исследования 2008 и 2010 гг. позволяют специалистам достаточно высоко оценить баланс установок общественного сознания, которые могут обеспечивать межнациональное согласие в российском обществе, и негативных установок, провоцирующих межнациональную враждебность; причем последние годы характеризуются ростом напряженности для многих регионов [Дробижева, 2012, с. 91–110].

* * *

В рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири» этнические риски определяются как вероятность процессов (событий), препятствующих стабильному функционированию национальной общности, сложившемуся этносоциальному равновесию, эффективному межэтническому взаимодействию. Это определение соответствует пониманию под риском существования или возможности возникновения ситуации, при которой формируются предпосылки противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей, а также решению задач обеспечения национальной безопасности.

Процедура анализа этнических рисков в рамках данного исследования предполагает:

- определение этнических рисков, представляющих опасность для региона;
- количественный анализ этнических (этнодемографических) рисков;
- качественный анализ существующих этнических (этносоциальных) рисков;
- мониторинг динамики изменения этнических рисков;
- оценку последствий реализации этнических рисков для стабильности региона;
- ранжирование рисков в интересах этнической стабильности региона;
- многофакторное изучение этнических рисков.

Оценка этнических рисков на основе методик, апробированных на уровне общероссийских и локальных исследований, определяет практическую составляющую данной работы. Ее авторы придерживаются мнения, что критериями оценки этнических рисков могут служить не только количественные параметры, используемые специалистами в области социальных рисков, как-то частота (вероятность) наступления события, его продолжительность, этнический состав населения, но и качественные характеристики, в том числе

связанные с субъективными категориями, такими как уровень тревожности населения, экспертные мнения или оценки мнений лидеров.

Выполнение при корректировке и адаптации существующих в российской и мировой науке моделей оценки этнических рисков анализа региональных рисков закладывает основу для формирования информационных массивов по этносоциальным, этнополитическим, этнокультурным процессам в Сибирском федеральном округе, позволяя тем самым совершенствовать систему управления рисками развития человеческого потенциала на уровне региона и макрорегиона.

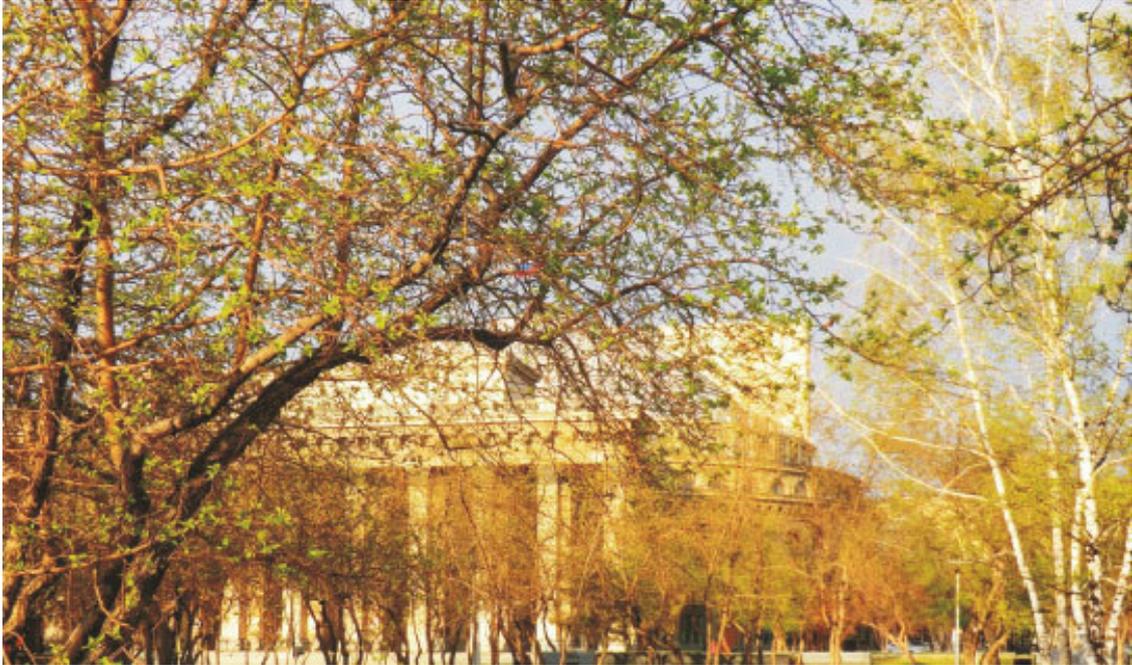
В целом в рамках данной работы этнические риски рассматриваются как разновидность социальных рисков. Они возникают в результате формирования социально-политических и экономических кризисов, однако основой для их развития является феномен этнических интересов.

Этнические риски имеют сложную стратификацию, связанную с политическими, идеологическими и культурными ценностями мирового, национальных и региональных сообществ, где соединяются противоположные тенденции групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

Российский федерализм является инструментом обеспечения баланса между этническим разнообразием и государственным единством, одним из механизмов разрешения межэтнических конфликтов и нейтрализации этнических рисков. Опасность этнических рисков заключается в том, что они способны усиливать кризисные явления, могут привести к свертыванию социальных и экономических программ преобразований и тем самым негативно повлиять на развитие человеческого потенциала.

Раздел 2

Социально-экономические риски формирования и использования человеческого потенциала в Сибири

Глава 4

Социальные риски воспроизводства человеческого потенциала в Сибири

*Реальное богатство народов: пути к развитию человека
(Доклад о развитии человека. 2010)*

Инновационный сценарий как безальтернативный путь развития в эпоху глобальных вызовов предполагает развитие человеческого потенциала в качестве главной составляющей национального богатства и основной движущей силы экономического роста, гораздо более важной, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Это означает, что человек рассматривается не только как объект социальной политики, но и как субъект, предпринимающий активные действия по отношению к своему здоровью, образованию, профессиональной деятельности. Однако низкий уровень жизни большинства населения не обеспечивает достаточное индивидуальное инвестирование в развитие человеческого потенциала. В этих условиях возрастает роль государственных инвестиций в человеческий капитал путем развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта. Миссия бизнеса состоит в адекватной оплате используемого физического и интеллектуального ресурса, а также в создании благоприятных условий труда на предприятиях.

Основная задача данной главы – оценка социальных рисков воспроизводства человеческого потенциала в России с акцентуацией региональных и отраслевых аспектов.

Под социальными рисками развития человеческого потенциала мы понимаем возможные негативные последствия проводимой социальной политики, обусловленные недооценкой человеческого капитала в экономике, несправедливой распределительной политикой, а также низкими социальными расходами государства.

Риски проявляются прежде всего в ресурсной необеспеченности воспроизводства человеческого капитала, а также низкой социальной доступности рекреационных, образовательных и социальных услуг и представляет собой реальную угрозу человеческому развитию.

4.1. Ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала в России

Восстановительный и развивающий уровни потребления. Согласно методике Всероссийского центра уровня жизни, минимальный потребительский бюджет в денежном выражении, равный примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека в питании и приобретении более широкого набора непродовольственных товаров и платных услуг, чем в составе прожиточного минимума, и обеспечивает *восстановительный уровень потребления*. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6 ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает *развивающий характер потребления* [Бобков, Литвинов, Гулюгина, Зубрилин, 2006].

Понятия минимального потребительского бюджета и прожиточного минимума были введены Указом Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации» № 210 от 2 марта 1992 г. В соответствии с указом минимальный потребительский бюджет определялся исходя из набора потребительских товаров и

услуг, удовлетворяющих основные материальные и духовные потребности. На период преодоления кризисного состояния экономики было рекомендовано определять бюджет прожиточного (физиологического) минимума, дифференцированного по основным социальным группам и характеризующего *минимально допустимые границы потребления* важнейших материальных благ и услуг (продукты питания, предметы санитарии и гигиены, лекарства, жилищно-коммунальные услуги). Именно минимальный потребительский бюджет предполагалось использовать при формировании перспективной социально-экономической политики. Однако социальная политика государства 1990-2000-х гг. опиралась исключительно на величину прожиточного минимума со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исходя из вышеизложенного, отношение величины заработной платы (доходов) какой-либо социальной группы (отраслевой, региональной, социально-демографической) к минимальному потребительскому бюджету может рассматриваться в качестве соответствующего индекса воспроизводства человеческого потенциала.

Отраслевой индекс воспроизводства человеческого потенциала. Расчеты отраслевого индекса воспроизводства человеческого потенциала в Российской Федерации показали, что в 2010 г. развивающий бюджет имели только работники финансовой сферы и добывающих производств. Зарплата работников обрабатывающей промышленности, строительства, транспорта обеспечивала простое воспроизводство человеческого потенциала. Зарплата работников сельского хозяйства была ниже минимального потребительского бюджета, что не позволяло им даже на самом минимальном уровне восстанавливать свой потенциал (рис. 4.1).

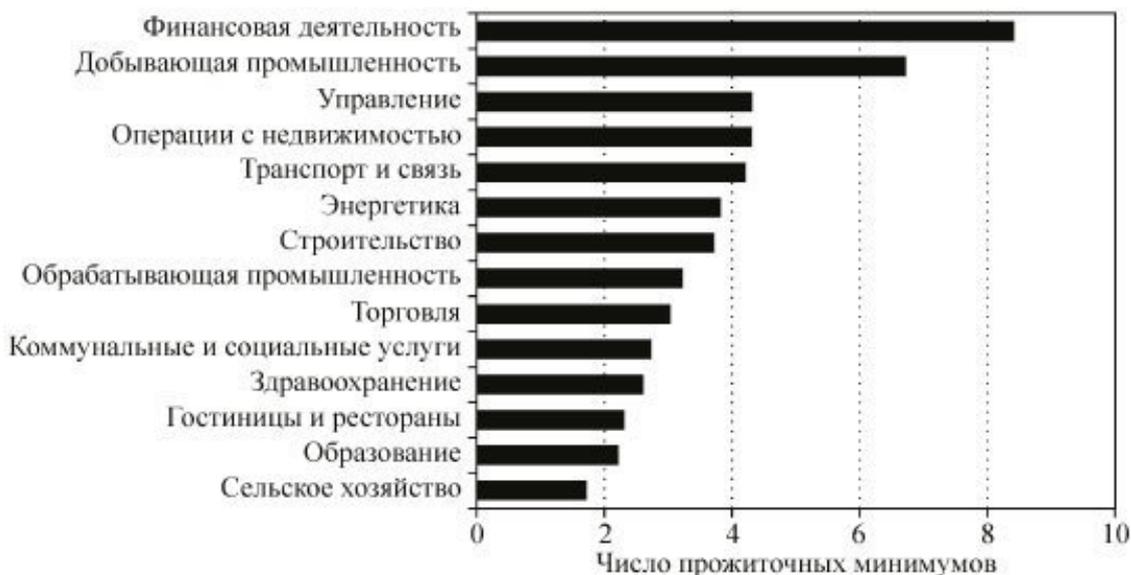

Рис. 4.1. Индекс воспроизводства человеческого потенциала по видам экономической деятельности, Российская Федерация, 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2011, с. 121–123, 126].

Чуть выше была заработная плата работников непроектируемых отраслей. Иными словами, все, кто лечит, учит, кормит и обслуживает население, не располагали достаточными ресурсами для повышения своего общеобразовательного уровня, профессиональной квалификации и для полноценного отдыха. Представители этих отраслевых групп больше были озабочены тем, чтобы найти дополнительные источники дохода для своей семьи по месту основной работы или на дополнительной. Практика такова, что большинство врачей, учителей, работники других обслуживающих отраслей, как правило, работают на пол-

торы-две ставки и более. Многие регионы страны испытывают острый дефицит указанных профессиональных групп, хотя учебные заведения готовят их в достаточном количестве. Врачи и учителя ищут применение в других более высоко оплачиваемых секторах экономики. А ведь от работы этих специалистов зависит качество человеческого потенциала не только работающего населения, но и подрастающего поколения. Иными словами, в их руках – настоящее и будущее интеллектуального ресурса нации.

И если коммерческий сектор – это зона ответственности бизнеса, то бюджетная сфера – это зона государственной ответственности. Государство располагает таким действенным инструментом регулирования доходов, как социальная политика. В целом только 3 % занятых имели заработную плату, обеспечивающую развивающий тип потребления, а абсолютное их большинство на свой заработок могли лишь восстановить свою работоспособность. Работники сельского хозяйства, являющиеся постоянными аутсайдерами на шкале заработной платы, не располагали и такими ресурсами. Несмотря на положительные тенденции последних лет, заработная плата работников сельского хозяйства остается ниже минимального потребительского бюджета, который обеспечивает воспроизводство рабочей силы на восстановительном уровне и составляет примерно 45 % от средней заработной платы по всей экономике. В 2011 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 12 320 руб., или 52 % по отношению к средней заработной плате по экономике РФ, и не достигала величины минимального потребительского бюджета, необходимого для простого воспроизводства человеческого потенциала [Россия в цифрах, 2012, с. 131].

Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой долей на оплату услуг (39,1 и 21,2 % против 29,1 и 22,4 % – в городской местности соответственно) свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I квартале 2009 г. составляли 6,2 % потребительских расходов семьи, то в сельской местности – 4,2 %, а на образование 1,9 и 1,8 % соответственно [Доходы., 2009, с. 49].

Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов свидетельствует о высокой доле среди сельского населения крайне бедного и малоимущего населения (рис. 4.2).

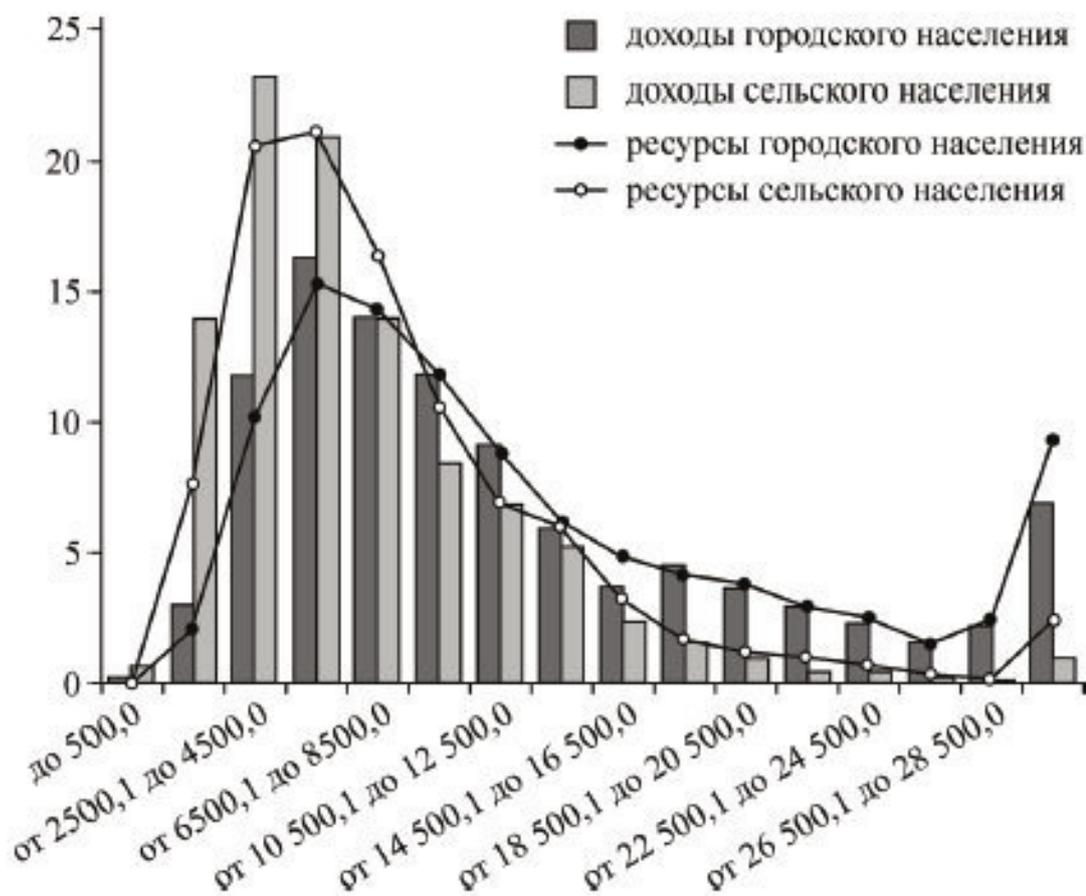

Рис. 4.2. Распределение городского и сельского населения РФ в I квартале 2009 г. по величине среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов в месяц, % [Доходы..., 2009, с. 24].

Характерным является изменение величины располагаемых ресурсов, куда включаются натуральные поступления из личного подсобного хозяйства, по доходным группам. Снижение ее величины у средне- и высокодоходных групп сельского населения свидетельствует о вынужденном характере ведения личного подсобного хозяйства. Как только у сельской семьи появляются иные источники денежных доходов, она существенно сокращает свое личное подсобное хозяйство.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что условия воспроизводства человеческого потенциала сельского населения заметно хуже, чем у городского, что отражается на уровне человеческого развития, измеряемом уровнем образования, доходов и продолжительностью жизни населения. Так, к середине 1990-х гг. различия между продолжительностью жизни городского и сельского населения были минимальными (соответственно 64,7 и 64,2 года). К началу 2000-х гг. средняя продолжительность жизни селян была заметно ниже по сравнению с горожанами и составила у мужчин 57,8 года, у женщин – 71,2 года, а у городского населения соответственно 59,2 и 72,3 года. В середине 2000-х гг. не удалось сократить этот разрыв.

Неблагоприятные тенденции складывались и в уровне образования работников сельского хозяйства [Калугина, 2010, с. 129]. Как известно, образованное молодое поколение вымывается из деревни. Дефицит высококвалифицированных кадров ощущают большинство регионов и сельскохозяйственных предприятий. Если же ориентироваться на техно-

логическое обновление аграрного производства, развитие социальной инфраструктуры, без которых немислимо будущее деревни, то острота проблемы очевидна.

Чтобы обеспечить расширенное воспроизводство человеческого потенциала (на уровне нынешних стандартов) по всем видам экономической деятельности, средняя номинальная заработная плата должна быть повышена не менее чем вдвое, а в отраслях социальной сферы и сельском хозяйстве – как минимум в три раза.

Достаточно ли доходов населению России для развития человеческого потенциала? Наши расчеты по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств показали, что в I квартале 2009 г. примерно 62 % городского и 87 % сельского населения РФ имели среднедушевые денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета (10 166 руб.)⁸, а значит, не располагали достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала. То же соотношение по величине среднедушевых располагаемых ресурсов составило 59 и 81 % соответственно [Доходы..., 2009, с. 11, 24]. Такая ситуация обусловлена тем, что примерно половина общей величины доходов сосредоточена в пятой, наиболее обеспеченной, группе населения, примерно столько же приходится на все остальные группы (рис. 4.3).

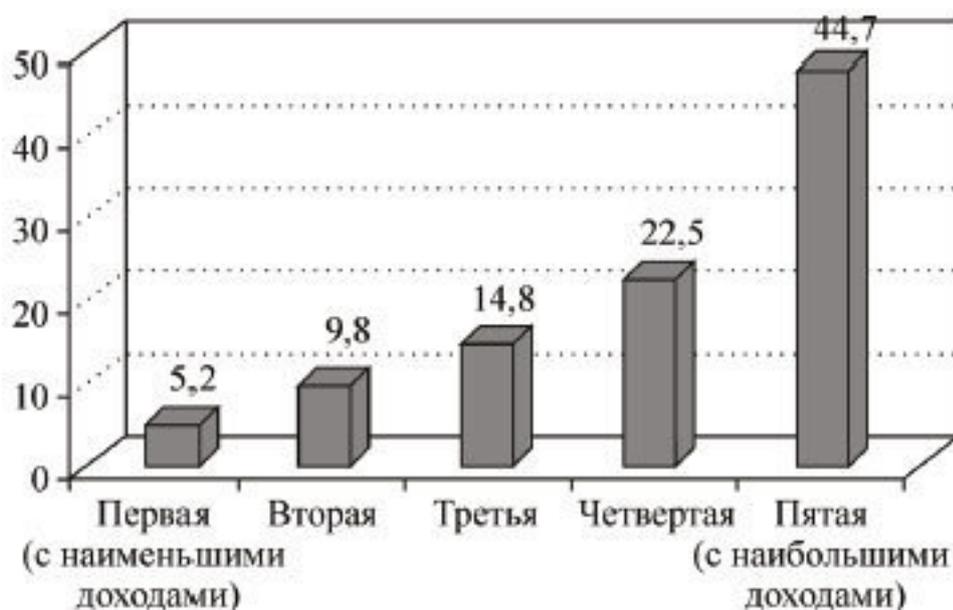

Рис. 4.3. Распределение общей величины доходов населения РФ в 2010 г. по 20 %-м группам [Россия в цифрах, 2011, с. 125].

Одной из причин столь высокой дифференциации доходов является избыточная дифференциация оплаты труда, которая остается одним из главных источников формирования доходов населения. Исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показали, что в современной России сложился механизм форсированного роста наиболее высоких зарплат, когда 50–60 % прироста оплаты труда идет на повышение 20 % наиболее высокооплачиваемых работников, несмотря на наличие структурных диспропорций, проявляющихся в более низкой оплате высококвалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным трудом. В результате средняя заработная плата 10 % наиболее высокооплачиваемых работников превышает заработную плату 10 % наименее оплачи-

⁸ Прожиточный минимум в РФ в I квартале 2009 г.: все население – 5083 руб., трудоспособное население – 5497, пенсионеры – 4044, дети – 4857 руб.

ваемых работников в 26–28 раз [Социально-демографическая безопасность России, 2008, с. 136].

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к невиданному социальному расслоению общества. И пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается: коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) вырос с 0,289 в 1992 г. до 0,422 в 2009 г. [Россия в цифрах, 2010, с. 123]. По мнению академика Д. С. Львова, это стало возможным потому, что «новый “класс” менеджеров-директоров и управляющих акционированными предприятиями был, по существу, выведен из-под общественного контроля и юридической ответственности за эффективность использования принадлежащих этим предприятиям активов. Один из стратегических собственников корпоративных предприятий – государство – устранился от управления принадлежащим ему имуществом» [Львов, 2006].

Вину за то, что менеджеры, управленцы не могут обуздать свои аппетиты, нельзя перекладывать только на бизнес. А где же государство? Ведь в его руках такой действенный инструмент регулирования доходов, как налоговая политика. Депутаты, ученые, практики, представители общественности не перестают доказывать целесообразность перехода от плоской к прогрессивной системе налогообложения доходов физических лиц. Но наше правительство игнорирует эти доводы. Кстати, Россия – одна из немногих стран мира, где применяется плоская шкала налогообложения. Переход на прогрессивную систему налогообложения является мощным механизмом регулирования доходов, способствующим более равномерному распределению налогового бремени между бедными и богатыми, а также стимулирующим формирование структуры населения по уровню доходов, близкому к показателям, признанным в большинстве промышленно развитых стран наиболее предпочтительными с социальной и экономической точек зрения. Это соотношение среднего дохода 10 % самых богатых граждан относительно 10 % самых бедных в пределах 6–8 раз. При этом десятикратное превышение признается критическим, за которым в обществе возникает чрезмерная социальная напряженность. Поэтому доходы налогоплательщика сверх десятикратной величины, принятой за уровень доходов «бедных», должны облагаться не «благоприятным», а «ограничивающим» налогом. Расчеты специалистов показывают, что при действующей системе налогообложения бремя неизбежных платежей для наименее и наиболее обеспеченных слоев населения существенно различается. Если сравнить налогоплательщиков с ежемесячными доходами 5, 30, 60 и 100 тыс. руб., то при соотношении их доходов 1:6:12:20 соотношение средств, остающихся у них после совершения неизбежных платежей (в свободном распоряжении), составляет соответственно 1:20:42: 72, а бремя неизбежных платежей самого бедного (доход – 5 тыс. руб./мес., бремя – 76,6 %) больше, чем самого богатого (доход – 100 тыс. руб./мес., бремя – 16,2 %), в 4,7 раза [Чичелёв, 2007, с. 17]. Налогообложение является важным, но не единственным механизмом перераспределения доходов. О необходимости радикальной перестройки распределительных отношений неоднократно указывалось известными российскими экономистами [Меньшиков, 2004; Львов, 2006; Глазьев, 2008; Гурвич, 2010; Шевяков, 2011].

Нобелевский лауреат в области экономики П. Кругман показал, что политическая воля правительства сыграла ключевую роль в регулировании социального неравенства в США. Всего лишь за несколько лет благодаря политике Ф. Рузвельта был сформирован знаменитый американский средний класс. Это политика помимо известных кейнсианских методов регулирования процентной ставки и финансирования общественных работ основывалась на кардинальном изменении системы налогообложения и введения практики регулирования заработной платы в большинстве отраслей промышленности. На протяжении первого срока президентства Ф. Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63 %, в

течение второго – до 79 %, а к середине 1950-х гг. он достиг 91 %. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 465 %, а на крупные наследства – с 20 до 77 %. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшими американцами (0,1 %), снизилась за эти годы вдвое – с 21,5 до менее чем 10 %. Следствием стало сокращение разрыва в доходах, которое произошло в США с 1920-х по 1950-е гг., резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников [Кругман, 2009, цит по: Шкаратан, 2011, с. 13].

Необоснованные социальные неравенства порождают социальную напряженность в обществе, приводят к дезинтеграции и противостоянию общественных сил и, в конечном счете, превращаются в социальную угрозу национальной безопасности. Неслучайно поэтому снижение уровня социального и имущественного неравенства населения в доктрине национальной безопасности страны рассматривается в качестве важнейшей стратегической цели. Кроме того, на обширном статистическом материале по странам мира показано, что высокое неравенство (выше критического уровня) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов [Шевяков, 2011].

Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания и уровне потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения (рис. 4.4, 4.5).

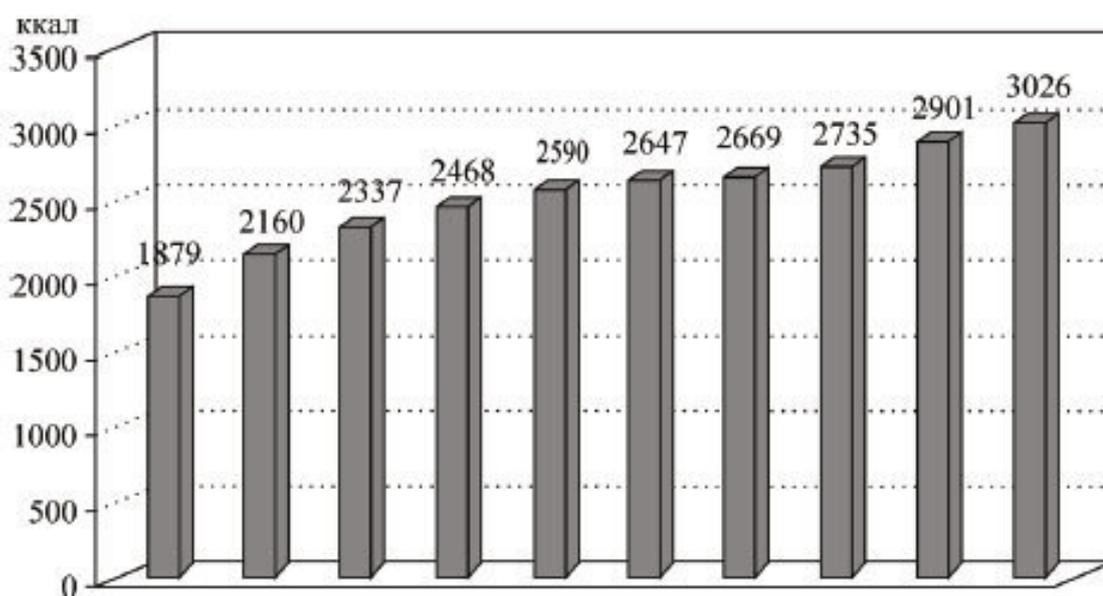

Рис. 4.4. Энергетическая ценность продуктов питания по 10 %-м доходным группам населения РФ, 2008 г. [Потребление продуктов..., 2009, с. 26].

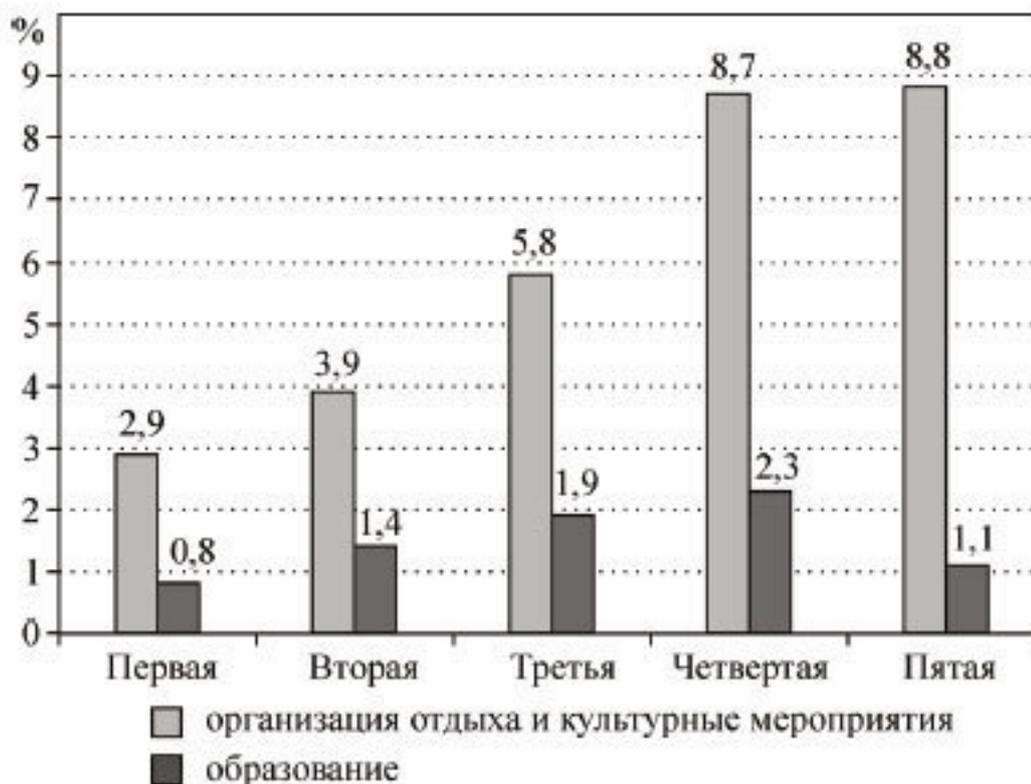

Рис. 4.5. Доля затрат на рекреационные и образовательные услуги по 20 %-м доходным группам населения, % к итогу [Российский статистический ежегодник, 2010, с. 203].

Помимо налогообложения, в руках государства имеется и другой рычаг воздействия на формирование человеческого капитала, а именно – государственные вложения в развитие здравоохранения, образования и культуры. Однако статистика свидетельствует о том, что эти вложения недостаточны для того, чтобы компенсировать недостаток индивидуальных вложений, обусловленных низкой оплатой труда. Так, в 2006-2009 гг. Россия тратила на эти цели по 5,4 % от ВВП, в то время как в США расходы на образование и здравоохранение были на уровне 16,2 %, во Франции – 11,7, в Германии – 11,3, Канаде – 10,9, Норвегии – 9,7, Японии – 8,3 % от ВВП. В среднем по группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития государственные расходы на образование составили 11,9 % от ВВП, а общие расходы на здравоохранение – 11,2 %. В группе стран с высоким индексом человеческого развития (ИЧР), куда входит и Россия, соответственно 6,5 и 6,7 % [Доклад о развитии..., 2011, с. 162–163, 165]. Такая ситуация не могла не сказаться на ожидаемой продолжительности жизни населения в этих странах. Если в развитых странах в 2011 г. этот показатель варьировался в пределах от 72 до 83 лет, то в России, по оценкам международных экспертов, он составил 69 лет [Доклад о человеческом развитии., 2011, с. 127–128].

По мнению академика С. Ю. Глазьева, сохранение в России двукратного по отношению к мировому уровню недофинансирования науки, образования и здравоохранения, в которых именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять зарплату, приведет к углублению необратимых тенденций деградации этих сфер и тем самым сделает реализацию инновационного сценария в принципе невозможной [Глазьев, 2008].

4.2. Региональные различия в условиях воспроизводства человеческого потенциала

Россия на карте мира. В советские времена СССР входил в двадцатку (23-е место) стран мира с высоким уровнем человеческого развития. Положение резко ухудшилось в период шоковой терапии и рыночных реформ. Только в 2006 г. России удалось переместиться в последующие годы в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала и закрепиться в ней. Достигнуть и превзойти уровень советского периода по данному показателю удалось только в 2008 г., когда индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) достиг значения 0,838.

По данным за 2011 г.⁹ Россия входит в группу стран с высоким индексом человеческого развития, занимая 66-е место в мире из 187 стран, и находится между Беларусью (65-е место) и Гренадой (67-е место). Из бывших союзных республик, а ныне независимых прибалтийских государств, опережают Россию по ИРЧП Эстония (34-е место), Литва (40-е место) и Латвия (64-е место). Пятерку лидеров по уровню человеческого развития в настоящее время образуют Норвегия, Австралия, Нидерланды, США, Новая Зеландия, Канада. Индекс человеческого развития в указанных странах варьирует от 0,908 до 0,943 [Доклад о человеческом развитии... , 2011, с. 126–127].

В период относительного экономического благополучия индекс человеческого развития в России также заметно вырос. Среднегодовой прирост ИЧР в России в 2000–2011 гг. составил 0,81 и превышал средние показатели прироста ИЧР в группе стран с высоким уровнем человеческого развития. Но для России характерно атипичное сочетание относительно высокого уровня образованности населения и душевого дохода и чрезвычайно низкой ожидаемой продолжительности жизни. По указанным показателям Россия занимала соответственно 52-е и 53-е место в рейтинге среди 187 стран, а по ожидаемой продолжительности жизни – 120-е. Валовой национальный доход в РФ на душу населения составлял 14 561 долл. США (по ППС на 2005 г.), что было в несколько раз ниже уровня развитых стран, но был выше, чем в странах БРИК: в Бразилии ВНД составил в этот период 10 162, в Индии – 3468, Китае – 7476 долл. США [Там же, с. 127–129].

Сибирь – территория риска или благополучия? Сибирь является «кладовой» России по природным ресурсам, занимает 30 % российской территории, где проживает 14 % населения. Но для большинства регионов Сибири характерна недостаточная ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала, что отражается на уровне его развития. Как показал анализ, динамика развития человеческого потенциала в Сибири за последние 12 лет была положительной, но совокупные и частные индексы развития человеческого потенциала были заметно ниже среднероссийских показателей. По уровню человеческого развития сибирские регионы распределились следующим образом. Семь регионов Сибири вошли в группу с высоким уровнем развития человеческого потенциала: Томская область (0,850), Кемеровская область (0,812), Иркутская область (0,811), Республика Хакасия (0,809). Остальные регионы Сибири образуют группу со средним уровнем развития человеческого

---

⁹ Методика расчета ИЧР – используемые индикаторы и способ их агрегирования – в 2010 г. была существенно скорректирована. Доступ к знаниям теперь измеряется показателями средней продолжительности обучения (для лиц от 25 лет и старше) и ожидаемой продолжительности обучения в течение жизни (для детей, достигших официально установленного возраста поступления в школу). Уровень доходов оценивается с помощью валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС) вместо используемого ранее ВВП на душу населения. Прежним осталось измерение здоровья через ожидаемую продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Изменение методики расчета ИЧР несущественно повлияло на рейтинг России в мировом сообществе по данному показателю.

потенциала. К ним относятся Алтайский край (0,796), Республика Бурятия (0,791), Читинская область (Забайкальский край) (0,782), Республика Алтай (0,763), Республика Тыва (0,732). В Сибири нет регионов с очень высоким и очень низким (по международной классификации) уровнем человеческого развития. Напомним, что в России только два субъекта Федерации (Москва, ИРЧП составляет 0,964 и Санкт-Петербург, ИРЧП равен 0,904) в 2009 г. входили в число регионов с очень высоким ИРЧП [Доклад о развитии., 2011, с. 142–143].

К концу первого десятилетия 2000-х гг. безусловным лидером среди сибирских регионов по уровню развития человеческого потенциала являлась Томская область (7-е место в рейтинге регионов РФ). На протяжении всего наблюдаемого периода области удалось уверенно превосходить среднероссийскую планку. Это обусловлено, в первую очередь, самыми высокими в Сибири индексами образования (0,955 против 0,918 в РФ), что можно объяснить наличием в регионе престижных учебных заведений и размещением на ее территории научных учреждений Сибирского отделения Российской академии наук. Индекс дохода в области был также выше республиканских, но темпы его прироста были ниже средних. ВВП на душу населения составлял в Томской области 19 064 долл. США, а индекс дохода – 0,876, в РФ соответственно – 18 869 и 0,875. Но ожидаемая продолжительность жизни в регионе была ниже среднероссийского уровня: 68,06 лет против 68,87 лет.

Основная причина высокой смертности населения – недопустимо низкий уровень жизни, неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая социальная и территориальная доступность качественных медицинских услуг и зон отдыха. Несмотря на положительные тенденции последних лет, доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, во всех регионах Сибирского федерального округа (СФО), за исключением Кемеровской области, была выше, чем в России в целом (рис. 4.6).

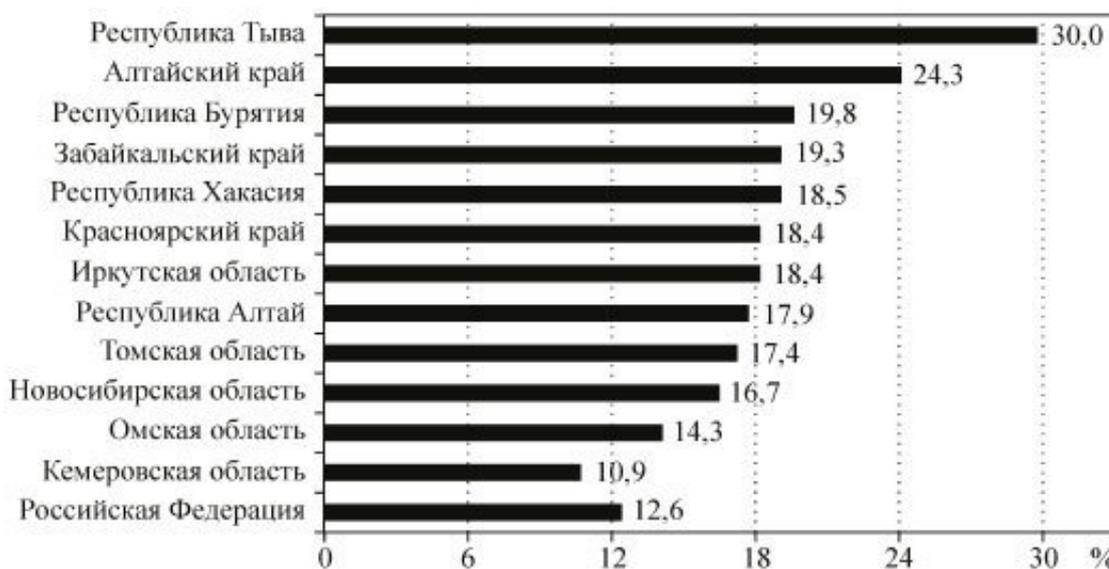

Рис. 4.6. Уровень бедности в регионах Сибири, 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2011, с. 180–181].

При этом в республиках Тыва, Алтай и в Алтайском крае уровень бедности превышал 20 %-ю отметку. В Забайкальском крае он был на уровне 20 %. Ниже среднереспубликанского уровня бедности был только в Кемеровской области. Во всех субъектах СФО среднедушевые месячные доходы населения в 2009 г. были ниже среднероссийского уровня. Причем в Республике Тыва и в Алтайском крае среднедушевые доходы населения были

ниже величины минимального потребительского бюджета. Это говорит о том, что население названных регионов не имеет возможности воспроизводить свой человеческий капитал даже на самом минимальном уровне за счет собственных ресурсов, а сами регионы представляют собой по существу зоны социального бедствия и истощения человеческого капитала.

В силу вышеуказанных причин доля сибиряков, проживающих на территориях с низким уровнем развития человеческого потенциала, выше по сравнению со среднероссийскими показателями (рис 4.7).

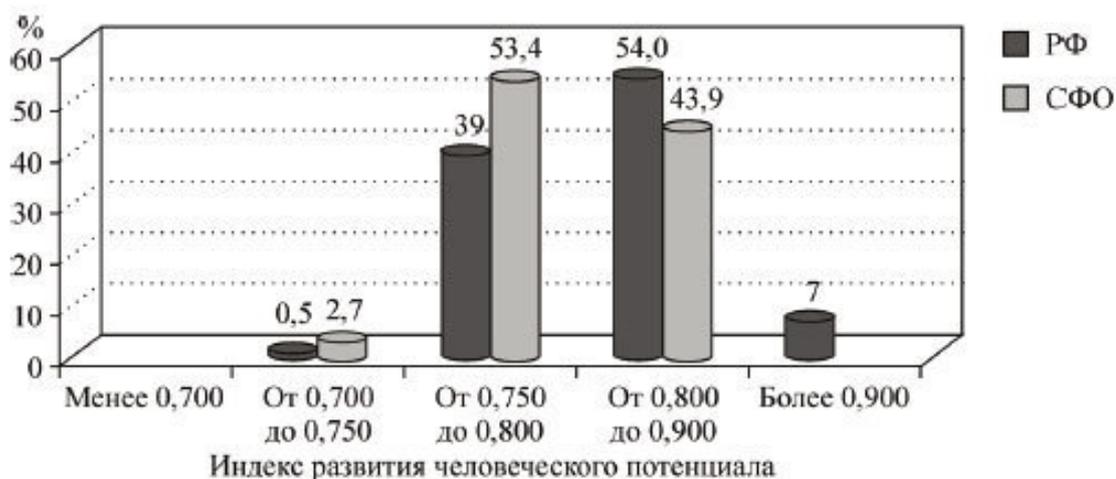

Рис. 4.7. Распределение населения РФ и СФО по регионам с разным уровнем развития человеческого потенциала, 2008 г., % (рассчитано по: [Регионы России..., 2009, с. 61; Доклад о развитии человеческого потенциала., 2009, с. 147, 150–151].

Значимость Сибири для экономики страны, острота демографической ситуации и первоочередность задач по развитию человеческого капитала с необходимостью ставят вопрос о закреплении населения в регионе и создании благоприятных условий для проживания в суровых природно-климатических условиях. И если природный фактор является неустраняемым, то меры социальной политики, направленные на компенсацию дополнительных расходов, связанных с более высокими затратами сибиряков на отопление, одежду, питание, транспортные расходы и др., могут способствовать выравниванию условий проживания в разных регионах страны. Однако ныне применяемый районный коэффициент лишь частично выполняет выравнивающую функцию, а отставание Сибири по темпам роста заработной платы и других денежных доходов населения лишь закрепляет ранее сформировавшуюся необоснованную социально-территориальную дифференциацию в уровне и качестве жизни, что отрицательно сказывается на настроениях и миграционных планах сибиряков.

Согласно данным социологического опроса городского и сельского населения Новосибирской области¹⁰, население четко видит «плюсы» и «минусы» проживания в Сибири (табл. 4.1).

Таблица 4.1 Оценка населением преимуществ и недостатков проживания в Сибири, %

¹⁰ Данные социологического обследования, проведенного Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2010 г., полевой этап исследования выполнен ООО «Тайга-Инфо Групп». Выборочная совокупность репрезентировала население Новосибирской области от 18 до 65 лет (N = 1419 чел.), проживающих в городской (67 %) и сельской (33 %) местности.

Оценка населением преимуществ и недостатков проживания в Сибири, %

Номинация привлекательности жизни в Сибири	Привлекательные стороны		Непривлекательные стороны	
	% к итогу	% к числу ответивших	% к итогу	% к числу ответивших
Все нравится, все устраивает	2,4	3,0	14,1	16,9
Все не нравится, нет преимуществ	11,7	14,9	0,2	0,3
Климатические и природные условия, экология	28,0	35,6	31,8	38,1
Наличие работы, возможность заработать	6,3	8,0	7,8	9,3
Уровень жизни, стоимость жизни	0,7	2,9	12,5	15,0
Стабильность политическая	2,9	3,7	1,6	1,9
Стабильность природная, отсутствие катаклизмов	3,1	3,9	–	–
Развитие социальной инфраструктуры	6,2	6,5	15,1	18,2
Статус и перспективы развития места проживания (села, города, региона)	12,4	13,9	1,7	2,0
Привычка, восприятие села, города как малой родины, где живут родственники и друзья	10,1	12,8	–	–
Другое	3,0	6,2	3,3	4,3
Затруднились с ответом	13,2	16,8	11,9	14,3
Итого	100,0		100,0	

Тот факт, что одни и те же аспекты одними респондентами оценивались как плюсы, а другими – как минусы, дает представление о социально-экономических особенностях региона, важных для сохранения и развития человеческого потенциала населения. Если природно-климатические условия изменить нельзя, то экологическая ситуация, развитие транспортной и социальной инфраструктуры, напряженность рынка труда, уровень заработной платы – это те параметры, которые можно и нужно регулировать в рамках социально-экономической региональной политики. Суммарно на неустранимые параметры приходится, по оценкам сибиряков, лишь одна треть непривлекательных сторон жизни в Сибири, а две трети неблагоприятных условий жизни можно изменить в лучшую сторону.

Опрос жителей Новосибирской области выявил наиболее непривлекательные стороны жизни в регионе: сложные природно-климатические условия, суровый климат, неблагоприятная экологическая ситуация (около 40 % ответивших). Низкий уровень жизни и отсутствие работы отметил каждый десятый респондент, неудовлетворительный уровень развития транспортной, жилищно-коммунальной, медицинской инфраструктуры – каждый пятый житель Новосибирской области, и только 14 % жителей все нравится в Сибири и области.

Неблагоприятные условия жизни в сочетании с суровыми природно-климатическими условиями формируют отношение жителей к Сибири, усиливают их миграционные настроения. В качестве непривлекательной стороны жизни нередко упоминалась оторванность от Центра, предпочитаемых мест отдыха, которая усугубляется дороговизной транспортных услуг и низкими доходами населения, следствием чего является низкая территориальная мобильность населения. По нашим данным, за последние 5 лет более 60 % респондентов не выезжали за пределы Новосибирской области. Масштабы потенциальной безвозвратной миграции также невелики. Из всех опрошенных жителей Новосибирской области только 7 % высказали намерение уехать на постоянное место жительства в другие регионы страны. Причем среди жителей малых городов и сельской местности, желавших покинуть Сибирь, было примерно вдвое выше по сравнению с жителями мегаполиса – 9,3, 8,4 и 4,7 % соответственно. Анализ миграционных намерений по группам населения, различающихся

доходами, возрастом и уровнем образования, выявил более высокую долю потенциальных мигрантов среди высокообеспеченных и высокообразованных групп населения, а также среди молодежи (табл. 4.2).

Таблица 4.2 Миграционные планы населения, Новосибирская область, 2010 г., %

Группы населения	Доля потенциальных мигрантов, %
Величина среднемесячных душевых доходов в группе, руб.:	
до 3000	6,7
от 3001 до 9000	6,2
от 9001 до 18 000	7,0
от 18 001 до 60 000	12,3
Возрастные группы:	
молодежь до 30 лет	13,4
население в возрасте от 30 лет и старше	3,3
Группы по уровню профессионального образования:	
нет профессионального образования	7,3
ПТУ со средним образованием	5,1
среднее специальное образование	6,4
высшее и незаконченное высшее образование	9,5
Группы по месту проживания:	
Новосибирск	4,7
другие города НСО	9,3
сельская местность	8,4

Зигмунд Бауман в своей книге «Текущая современность» [Бауман, 2008] сформулировал основную социальную проблему современного общества: богатое меньшинство с их капиталами, живущее и функционирующее в пространстве, свободно перемещается по миру, а бедное большинство, живущее и работающее в физически или социально и экономически ограниченных пространствах, привязано к месту и, значит, к его скудным или вовсе исчерпанным ресурсам. В такой ситуации находятся, например, жители умирающих российских моногородов.

Среди предпочтительных регионов проживания сибиряки назвали: столичные города (Москва, Санкт-Петербург), южные и другие более теплые регионы, дальнему и ближнему зарубежью отдали предпочтение лишь 2 % населения. Но, несмотря на все трудности жизни, в Сибири предпочли бы жить более 60 % опрошенных. Для многих из них она является малой родиной, где живут друзья и родственники. По сравнению с другими регионами России Сибирь ассоциируется с регионом политической и природно-климатической стабильности. Здесь не возникают крупные межконфессиональные и религиозные конфликты, более сдержанно, как и подобает сибирякам, проявляют свои эмоции спортивные фанаты. В регионе нет страшных природных катастроф: пожаров, наводнений, землетрясений. Крупные техногенные катастрофы на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции, на шахте «Распадской» и другие воспринимаются населением как следствие турбулентных асоциальных реформ последних десятилетий.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что *отсутствие условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала в России в целом и в сибирских регионах особенно можно рассматривать как угрозу национальной безопасности, поскольку низкий уровень развития человека является тормозом как для инновационного прорыва, так и для преодоления демографического кризиса в стране.* Наличие таких угроз – это то исклю-

чительное событие, о котором говорил Мишель Фуко и которое требует вмешательства государства.

4.3. Можно ли разорвать порочный круг: низкая производительность труда – низкая заработная плата?

Для утвердительного ответа на поставленный вопрос необходим, во-первых, радикальный разворот государственной социальной политики, а во-вторых, требуется новая парадигма развития экономики и новая экономическая теория, адекватная вызовам времени. Согласно традиционным экономическим учениям, экономика должна базироваться на снижении издержек, в первую очередь за счет заработной платы. На Западе такой путь к экономическому росту называют low road – нижний путь. В эпоху экономики знания и инновационных сценариев развития необходимо переходить на верхний путь достижения экономического роста (high road) путем создания новых продуктов и технологий, обеспечивающих прорывные направления в развитии экономики [Экономика знаний, 2008, с. 58]. Чем масштабнее будет высокотехнологичный сегмент экономики, тем масштабнее будет и сегмент высокооплачиваемых рабочих мест.

Пока же при имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда (рис. 4.8). В данной ситуации государство должно взять ответственность в значительной степени на себя и создать такие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную инвестиционную политику на своих предприятиях по техническому перевооружению производства и внедрению базовых инноваций.

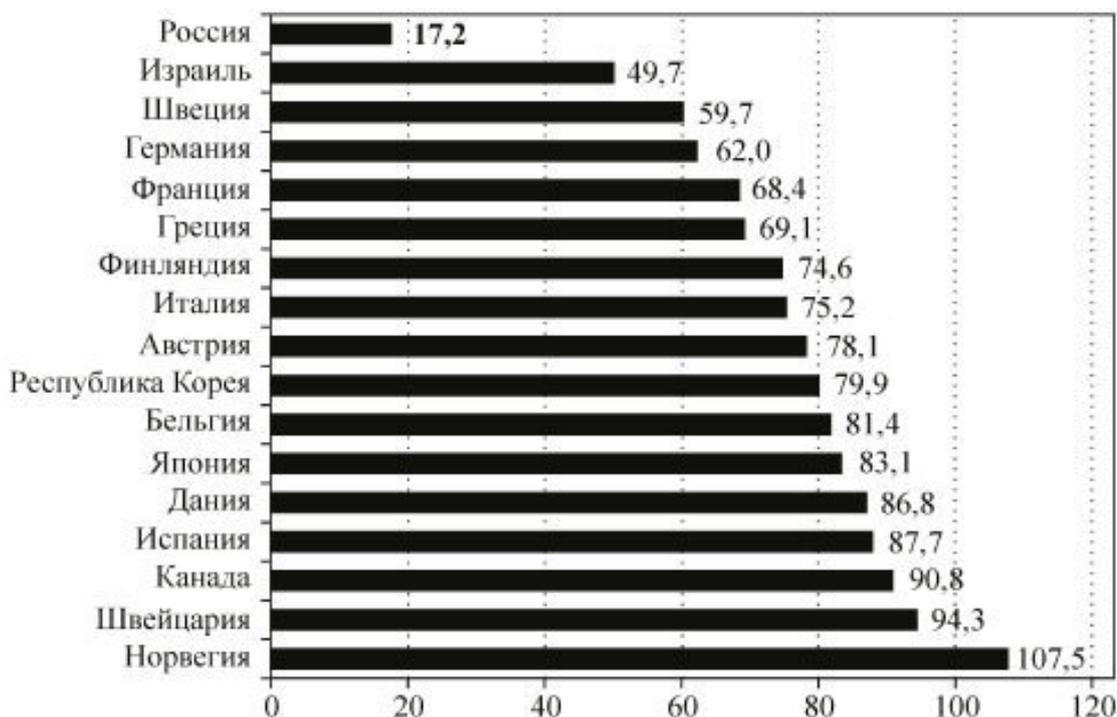

Рис. 4.8. Валовое накопление основного капитала на душу населения за 2005 г. в России и странах ОЭСР, % (относительно США = 100) [Российский статистический ежегодник, 2009, с. 751].

Между тем, согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011–2013 гг. составит 7 %, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития России, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При этом запланированное к концу прогнозируемого периода увеличение нормы накопления до 21,9 % неудовлетворительно, так как данная величина в полтора раза ниже сложившейся в экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользовании инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозируемого периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться прежним – почти на 20 % ниже, чем в 1991 г., т. е. перед стартом постсоветских преобразований. Соответственно неизбежно отставание России не только от стран «золотого миллиарда», но и от группы стремительно прогрессирующих стран «развивающегося» мира [Глазьев, 2010, с. 8].

По мнению академика Д. С. Львова, ВВП России при нынешней системе его расчетов является заниженным в 1,8–2,2 раза. Соответственно, нынешние расчеты производительности по ППС дают заведомо заниженную оценку, по отношению к США – как минимум в 1,5 раза. Если по производительности труда мы отстаем от Америки в 5–6 раз, то по заработной плате в 10–12 раз и более. Заработная плата в России является низкой не вообще, а недопустимо низкой по отношению к производительности труда. Поэтому удвоение или даже утроение средней заработной платы и, соответственно, размера пенсий и пособий является первоочередной задачей для России [Львов, 2006].

Согласно расчетам профессора С. С. Сулакшина, производительность труда в России по отношению к США ниже в 3,6 раза, а по оплате труда – в 9,6 раза, ресурс повышения оплаты труда – в 2,6 раза [Актуальная статистика Сибири, 2009, с. 55].

Специально выполненные исследования и расчеты известных экономистов подтверждают выводы вышеупомянутых авторов [Губанов, 2008, с. 3–21; Половинкина, 2010, с. 47–63].

Необходимость реформы заработной платы в России обосновывается академиком А. Г. Аганбегяном также настоятельной потребностью снижения социальной нагрузки на предприятия и государство за счет освобождения бюджета от части социальных расходов, которые могли бы выплачиваться из заработной платы и доходов граждан при условии их поэтапного увеличения.

– *1-й этап* – повышение заработной платы на 15 % при 10 %-х отчислениях на накопительные пенсии;

– *2-й этап* – повышение заработной платы примерно на 20–25 % – переход на рыночные расценки квартплаты и коммунальных услуг;

– *3-й этап* – повышение зарплаты еще на 10 % – при 6 %-х отчислениях на страховку по здравоохранению, при условии, что предприятия будут уплачивать такую же часть.

В целом номинальная заработная плата, по расчетам А. Аганбегяна, может быть повышена в 1,7 раза, но структура ее расходования изменится: 20 % составят налоги, включая налог на недвижимость; 20 % – оплата услуг ЖКХ; 10 % – накопление пенсий, 6 % – медицинское страхование. Повышение заработной платы будет стимулировать рост производительности труда, замену человеческого труда машинами и механизмами, освобождение предприятий от вспомогательных и побочных производств [Аганбегян, 2009, с. 272–274].

Член-корреспондент РАН К. К. Вальтух предлагает иную, более жесткую мобилизационную стратегию решения проблемы [Вальтух, 2007, с. 3349]. Суть предложений сводится к экстраординарному наращиванию капитальных вложений, приведение хозяйственного механизма в соответствие с требованиями осуществления государственной инвестиционной стратегии, перевод быстро возрастающей части трудовых ресурсов в инвестиционную сферу, установление для всех предприятий, независимо от формы собственности, лимита

занятости. Формирующийся на каждый год всероссийский фонд заработной платы постепенно, во все возрастающей части переводится из действующих предприятий и организаций в инвестиционную сферу. Банкам (частным – под угрозой лишения лицензий) запрещается выдавать предприятиям и организациям средства на оплату труда сверх лимита.

Аргументы автора таковы: «основная часть современных российских предприятий реально убыточны», «ресурсы таких предприятий действительным капиталом не являются, а их собственники не являются капиталистами», «соответственно они не могут вести себя как капиталисты», «частный капитал – ни отечественный, ни иностранный – не может на себя взять необходимое обновление российского производственного аппарата», «задача такого обновления может быть решена только в порядке государственной инвестиционной деятельности» [Там же, 2007, с. 40–41].

Соглашаясь с выводами автора об актуальности разработки и реализации государственной инвестиционной стратегии, укажем на два принципиальных положения автора, вызывающих у нас серьезные возражения. Во-первых, это рассмотрение фонда заработной платы работников в качестве основного, если не единственного источника финансирования государственных инвестиционных программ в России.

Предшествующее изложение наглядно показало все негативные последствия недостаточности ресурсного обеспечения человеческого развития, которое выражается не только в ухудшении качественных характеристик человеческого капитала, но и в ужасающих масштабах естественной убыли россиян за годы реформ. За 1992–2005 гг. только за счет превышения смертности над рождаемостью Россия потеряла свыше 11 млн чел. В период 1992–1999 гг. естественная убыль в среднем составляла 700 тыс. чел. ежегодно, в 2000–2005 гг. около 900 тыс. чел. Ни одна страна в мире не имела таких потерь населения в мирное время [Россия и россияне..., 2008, с. 300]. Преодолеть демографический коллапс не удалось и до сих пор, хотя темпы естественной убыли россиян несколько сократились. Чрезвычайная демографическая ситуация в стране обусловлена как отсутствием до последнего времени внятной государственной политики, так и социальной безответственностью бизнеса, который не склонен инвестировать собственные средства как в основную, так и в человеческий капитал.

Исходя из этого, предлагаемый вариант модернизации экономики за счет населения чреват непредсказуемыми социальными последствиями, а сама идея обновления производственного аппарата за счет сокращения инвестиций в развитие человеческого капитала идет вразрез с общемировыми тенденциями.

Между тем существуют и иные источники формирования инвестиционного фонда страны: перераспределения природной ренты (в настоящее время государство получает не более 40 % ее общей величины), грамотная финансово-кредитная, тарифная и налоговая политика государства, уменьшение масштабов вывоза капитала за рубеж, сокращение нерациональных государственных расходов [Меньшиков, 2004; Львов, 2006; Глазьев, 2008; Гурвич, 2010]. Известно, что в противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства (развитие интеллектуально-человеческого потенциала – расходы на образование, здравоохранение, науку и экономическое развитие), в России большая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций (оборона и правопорядок). В 2008 г. на эти цели из федерального бюджета предполагалось потратить 7,4 % ВВП, что почти на 25 % превышает среднемировой показатель. При этом наше государство тратит на современные функции в три раза меньше (4,7 % ВВП). Иными словами, в России соотношение расходов на традиционные и современные функции государства составляет 2: 1, что соответствует государству образца XVIII-XIX вв. [Рогов, 2005; Глазьев, 2008].

Второе положение К. К. Вальтуха касается неспособности частного капитала, отечественного и иностранного, взять на себя необходимое обновление российского производственного аппарата. Можно ли изменить оппортунистическое (по отношению к обществу) поведение частного капитала? Задача это непростая, если учесть «долговременное снижение доли инвестируемой прибыли как противодействие тенденции нормы прибыли к понижению» [Рыженков, 2009, с. 246–276]. Для преодоления этой защитной стратегии капитала потребуется ужесточение институциональных условий, в частности, выработка «механизмов изъятия и превращения потенциальных рентных доходов в реальные доходы государства и инвесторов», стимулирующих общественно-целесообразное поведение бизнеса [Крюков, Токарев, 2007; Крюков, Шафраник, 2009; Гурвич, 2010]. Как известно, на долю природной ренты приходится примерно 75 % от общего прироста совокупного дохода страны. Протекционистская политика государства в отношении нефтепереработки и газовой промышленности в сочетании с их монопольным положением на рынке создает видимость рентабельности этих отраслей, консервирует их глубокое технологическое отставание и устраняет императив модернизации [Гурвич, 2010].

Следовательно, только согласование интересов государства, бизнеса и населения, возможное при развитых институтах гражданского общества, способно изменить существующую практику явного лоббирования интересов ограниченного круга олигархических групп и крупных «государственных» корпораций и обеспечить справедливое распределение социального бремени модернизации между всеми участниками процесса.

Таким образом, выполненный анализ ресурсного обеспечения воспроизводства интеллектуального потенциала страны наглядно показал, что поведение двух ключевых игроков на социальном поле в лице бизнеса и государства вряд ли можно назвать социально ответственным в связи с недооценкой и хищнической эксплуатацией человеческих ресурсов. Вызовы времени «требуют новаторской государственной политики, позволяющей противостоять рискам и неравенству и в то же время использовать динамичные рыночные силы на благо всех» [Доклад о развитии человека, 2010].

Глава 5

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. как риск развития человеческого потенциала населения

«Самое красивое в Токио – McDonald’s. Самое красивое в Стокгольме – McDonald’s. Самое красивое во Флоренции – McDonald’s. В Пекине и Москве нет пока ничего красивого» – так в середине XX в. основоположник поп-арта Энди Уорхол иронично отметил неохваченность нашей страны глобализацией [Уорхол, 2000, с. 71]. Для России McDonald’s – давно пройденный рубеж на пути к «красоте», а в конце первого десятилетия XXI в. мы попали в ногу со всем миром, вступив в глобальный финансовый и экономический кризис. На уровне индивида или домохозяйства кризисы в экономике выступают в качестве неподвластных людям факторов макроуровня, которые представляют угрозу или негативно воздействуют на все виды их капитала – финансовый, человеческий и социальный, являются рисками для развития человеческого потенциала.

В данной главе сопоставляются материалы социологических исследований в разных странах, чтобы оценить, какие стороны жизни населения подверглись наибольшей эрозии и какие социальные группы наиболее пострадали в ходе глобального экономического кризиса в 2008–2009 гг. Известно, что такого рода потрясения ярко высвечивают имеющиеся проблемы в обществе и слабые места в экономике, а также скрытые или явные резервы, которые могут стать основой для посткризисного развития. Здесь мы обращаемся к результатам социологических опросов населения, проведенных в середине 2010 г. в США, странах Евросоюза и России. Программы этих исследований разрабатывались независимо друг от друга, примерно в то время, когда еще не звучали заявления официальных лиц о начале завершения кризиса, но стали заметны некоторые первые признаки восстановления экономики этих стран. Исследования целиком или частично были нацелены на выявление последствий глобального кризиса для населения. Вопросы, задаваемые людям, звучали по-разному, а смысл во многом был схожим.

Последний мировой кризис в разных странах начался в разное время. В США официально началом кризиса считается декабрь 2007 г.; в Евросоюзе отсчет началу кризиса ведут с банкротства холдинга «Леман Бразерс» (Lehman Brothers Holdings Inc.) осенью 2008 г., в России – это заключительные месяцы 2008 г. Обращают на себя внимание и различия в обозначении одного и того же явления в разных странах. В американских публикациях, как правило, используется термин «рецессия» (спад).

В начале 2009 г. в США рассматриваемый здесь кризис стали называть Великой рецессией по аналогии с Великой депрессией, продлившейся в Америке 43 месяца с августа 1929 по март 1933 г. В России кризис сначала определили как финансовый, затем, достаточно быстро, его признали экономическим. В большинстве российских публикаций слова «финансовый» и/или «экономический» кризис предваряются определениям «глобальный» или «мировой», что в американских работах, надо сказать, встречается значительно реже. Российский акцент на глобальность, возможно, отражает осознанное или неосознанное стремление подчеркнуть привнесенность этого безрадостного явления в жизнь ее граждан извне. В Европе в ходу обозначения и просто «кризис», и «глобальный кризис», но именно в европейских публикациях о нем говорится не только как о финансовом, экономическом, а и самом серьезном социальном кризисе современной эпохи [Europeans and the Crisis..., 2010].

5.1. Изменения, внесенные рецессией в жизнь американцев

Исследовательский Центр Пью в рамках проекта «Социальные и демографические тренды» с 2009 г. систематически осуществлял мониторинг воздействия экономической рецессии на население США. В период с 11 по 31 мая 2010 г. был проведен очередной опрос, результаты которого опираются на телефонные интервью, проведенные по репрезентативной на национальном уровне выборке 2967 чел. в возрасте 18 лет и старше, живущих в континентальной части США¹¹.

Материалы опроса легли в основу нескольких отчетов проекта «Социальные и демографические тренды». Первым 30 июня 2010 г. был опубликован стостраничный фундаментальный отчет «Как Великая рецессия изменила жизнь в Америке: сводный баланс за 30 месяцев», где также были проанализированы данные государственной статистики и ряда других исследований [How the Great Recession..., 2010].

Авторы отчета, указав круглую цифру 30, дальновидно не взяли на себя смелость определенно утверждать, что рецессия в США закончилась или близится к завершению, хотя отметили, что есть мнение об ее окончании еще в июне 2009 г.

Какой бы ни была официально признанная продолжительность нынешней рецессии в США, она, как показано в отчете на основе правительственной статистики, имеет две поразительные черты, которые представляют ее несомненно наихудшим спадом со времен Великой депрессии:

– типичный безработный в эту рецессию оставался таковым дольше, чем в любой другой период времени после Второй мировой войны. Почти половина безработных оставались без работы более 6 месяцев, что для части этих работников не могло не иметь глубоких последствий в плане последующей занятости и перспектив получения дохода;

– эта рецессия подорвала богатство домохозяйств больше, чем какой-либо другой эпизод современной экономической истории. Средняя оценка богатства домохозяйств сократилась с 2007 по 2009 г. почти на 20 %, прежде всего из-за уменьшения стоимости домов и сбережений на пенсионных счетах. Вряд ли могло быть иначе, если учесть, что корни рецессии заключались в «пузырях» цен на активы в финансовом и жилищном секторах.

Основные результаты опроса американцев, проведенного 11–31 мая 2010 г., относительно опыта их жизни за 30 предыдущих месяцев следующие.

Рецессия на работе. Опрос обнаружил, что почти треть (32 %) занятых в экономике американцев были безработными какой-то период времени в течение рецессии. А на вопрос о широком спектре связанного с работой влияния рецессии 55 % представителей рабочей силы отвечали, что в течение рецессии они сталкивались с периодом безработицы, сокращением оплаты труда, уменьшением рабочих часов или принудительным переводом на неполную занятость.

Завершилась ли рецессия? Большинство американцев (54 %) считали, что экономика США все еще находится в рецессии, 41 % – что она начинает выходить из рецессии, и только 3 % были уверены, что рецессия закончилась. Что рецессия продолжается, белые американцы (57 %) были более склонны утверждать, чем черные (45 %) или испаноговорящие (43 %); республиканцы – чаще (63 %), чем демократы (43 %).

Новая бережливость. Как минимум шесть из десяти американцев (62 %) говорили о сокращении части своих расходов после того, как в декабре 2007 г. началась рецессия, и только 6 % – об их увеличении. На просьбу сообщить свои планы в отношении расходов,

---

¹¹ Опрос был проведен Принстонским исследовательским опросным центром (Princeton Survey Research Associates International) по заказу Центра Пью.

как только состояние экономики улучшится, около трети (31 %) сказали, что запланировали тратить меньше, чем они тратили до начала рецессии, в то время как 12 % планируют тратить больше. Большинство же предполагали тратить примерно столько же, сколько тратили до рецессии.

Семейные финансы. Почти половина аудитории (48 %) отметили, что их финансовое положение на момент опроса хуже, чем было до начала рецессии; у одного из пяти (21 %) – положение лучше. Менее обеспеченные (годовые доходы домохозяйства ниже 50 000 долл.), а также люди в позднем среднем возрасте (50–64 года) чаще других сообщали, что их положение ухудшилось за время рецессии.

Перспективы восстановления семейных финансов. Из тех, кто говорил, что их семейным финансам нанесен ущерб в течение рецессии, 63 % заявляли, что на его восстановление потребуется, как минимум, три года. При этом афроамериканцы указывали меньший срок восстановления финансового положения, нежели белые.

Тревога в связи с выходом на пенсию. Треть американцев (32 %) сообщили, что не уверены, будут ли они иметь достаточно дохода и активов, чтобы финансировать свой выход на пенсию, в отличие от 25 %, кто так говорил в декабре 2009 г. Треть граждан в возрасте 62 лет и старше, еще работающих, сказали, что они уже отложили выход на пенсию из-за рецессии. Среди 50-летних работников почти 7 из 10 предположили, что они, возможно, будут вынуждены поступить также.

Рецессия ударила по жилью. Почти половина всех домовладельцев (48 %) отметили, что стоимость их домов упала в течение рецессии. Из тех, кто так сказал, почти половина (47 %) надеются, что за три – пять лет стоимость дома вернется к докризисному уровню; а около 40 % ожидают, что для этого потребуется 7 лет и более. И все же подавляющее большинство (80 %) американцев считают, что владение жильем – это самая лучшая долгосрочная инвестиция, какую только сможет сделать человек.

Снижение ожиданий относительно будущего детей. Более четверти американцев (26 %) предположили, что когда их дети будут в том же возрасте, в каком они сами сейчас, дети будут иметь более низкий уровень жизни, чем они, их родители, сейчас. Десятилетие назад только 10 % американцев беспокоились об этом. Афроамериканцы, испаноговорящие и молодые американцы более оптимистичны по поводу идеи межпоколенного прогресса внутри семьи, чем белые и пожилые.

Рецессия выступила переключателем приверженности. Большую часть первого десятилетия 2000-х республиканцы были значительно оптимистичнее демократов в отношении состояния экономики. Этот образец сейчас полностью изменился. По семи разным показателям уверенности как в личных финансах, так и в национальной экономике демократы сейчас гораздо более оптимистичны, чем республиканцы, даже если они имеют более низкие доходы, менее богаты и понесли большие потери по работе в течение рецессии. Безусловно, республиканцы пережили свой собственный, своеобразный набор связанных с рецессией трудностей. Они чаще, чем демократы, говорят, что их дома потеряли в стоимости, и из-за того, что они более часто, чем демократы, имели инвестиции на фондовом рынке, они были больше открыты к его изменчивым колебаниям вверх и вниз.

Были в опросе выявлены и факты, названные позитивными: 62 % американцев верят, что их личное финансовое положение улучшится уже в 2010 г., а небольшая, но увеличившаяся с весны 2009 г. часть населения (15 %) сказала, что национальная экономика и на момент опроса находится в хорошей форме. Как отмечают авторы отчета, «эти зеленые ростки общественного оптимизма распределены весьма неравномерно и произрастают вовсе не из наиболее вероятных источников». Некоторые группы, принявшие на себя наиболее сильные удары рецессии (включая афроамериканцев, молодежь и демократов), значительно более оптимистичны, чем их материально более защищенные коллеги (включая белых, пожилых людей и

республиканцев) в отношении восстановления как собственных финансов, так и национальной экономики. На наш взгляд, это хоть и не нарушает основную тенденцию, но явно делает безусловным тезис «бытие определяет сознание».

Великая рецессия разделила Америку на две почти одинаковые по размеру группы, пережившие очень разный экономический спад. Это показано в четвертом из опирающихся на материалы опроса 11–31 мая 2010 г. отчете «Одна рецессия, две Америки: Те, кто потеряли почву под ногами, ненамного превосходят по численности тех, кто устоял» [One Recession, Two Americas..., 2010].

Для большинства американцев (55 %) Великая рецессия была сопряжена с рядом трудностей, обычно выступающих в следующей комбинации: период безработицы, пропущенные ипотечные выплаты или рентные платежи, сокращение зарплаты и потрясения для бюджета домохозяйства. А другие 45 % взрослого населения страны были по большей части свободны от таких проблем во время рецессии.

На эти две группы массив, состоящий из 2967 респондентов, был разделен при помощи кластерного анализа. Для кластерного анализа использовались восемь вопросов, которые легко реконструируются по табл. 5.1, где обобщаются ключевые различия между двумя кластерными группами по этой совокупности вопросов.

Таблица 5.1 Характеристики опыта переживания рецессии в разных кластерных группах американцев

«Оставшиеся при своем» (45 % респондентов)	«Потерявшие почву под ногами» (55 % респондентов)
Никто из членов этой группы не сказал, что рецессия стала причиной предпринять «значительные» изменения в образе их жизни. Почти половина (51 %) отметили, что рецессия изменила образ их жизни «незначительно», а 48 % не заметили изменений вообще	Для более чем 4 из 10 (44 %) рецессия внесла «значительные» изменения в образ их жизни, и 39 % сказали, что она выступила причиной для них внести «незначительные» изменения/поправки в их стиль жизни. Оставшиеся 17 % имели не связанные с рецессией изменения
Нет членов группы, которые сообщили о проблемах с оплатой ренты или ипотечных взносов	Больше трети (35 %) имели трудности с оплатой ренты или ипотечных взносов
Нет членов группы, которые занимали деньги у членов семьи или друзей для оплаты счетов	42 % занимали деньги у членов семьи или друзей
Никто в этой группе не имел проблем с получением или оплатой медицинских услуг	48 % имели проблемы с получением или оплатой медицинских услуг
Менее 1 % были безработными некоторое время в течение рецессии	43 % были безработными некоторое время в течение рецессии.
Только 14 % отметили уменьшение своего семейного дохода во время рецессии	Около половины (48 %) говорили, что их семейный доход уменьшился
Около 19 % указали, что снимали деньги со сберегательных или пенсионных счетов для оплаты расходов	60 % снимали деньги со сберегательных или пенсионных счетов
29 % считали, что финансовое положение их домохозяйств в целом на момент опроса хуже, чем было до рецессии	Немногим более двух третей (64 %) считали, что финансовое положение их домохозяйств в целом на момент опроса хуже, чем было до рецессии

По большинству показателей экономического благополучия те, кто «остались при своем», и американцы, которые «потеряли почву под ногами», едва ли могли быть более разными. Авторы отчета пишут: «Не вызывает удивления, что одних людей рецессия ударила сильнее, чем других, или что люди, которые, например, пострадав от периода безработицы, имели трудности с оплатой снимаемого жилья или выплатой ипотеки. Поражает, однако, тот факт, что группы практически одинаковы по размеру, хотя различия между ними так велики» [Ibid, p. 3].

Результаты кластеризации показывают, что риск «потерять почву под ногами» из-за рецессии был распределен весьма неравномерно в населении США. Выделенные две группы различаются и по своему социально-демографическому составу. Почти семь из 10 пенсионеров и других лиц старшего возраста в основном сохранили свою собственность во время рецессии, что не скажешь об остальных. Жители восточных штатов значительно лучше справлялись с трудностями в эти тяжелые времена, чем жители Юга, Запада и Среднего Запада. В то же время жители пригородов и сельских поселений переживали меньше проблем, чем горожане.

Республиканцы также несколько диспропорционально представлены среди тех, кто легче прошел трудные времена, тогда как демократы и политически независимые более часто оказываются среди тех, кто пострадал. Как показали и другие исследования, диплом колледжа является хорошим заслоном против экономических бурь: почти 60 % окончивших колледж попадают в группу тех, кто пережил меньше трудностей во время рецессии, по сравнению с 38 % тех, у кого высшим образовательным достижением был диплом средней школы или не было и его.

Между тем те, кто на основе кластерного анализа был отнесен в группу «оставшихся при своем», по заключению авторов отчета, во время кризиса перенесли просто нерадикальные потрясения жизни, поскольку в такую рецессию, как эта, почти все американцы пострадали тем или иным образом [Ibid].

5.2. Европейцы и кризис

На фоне робкого и хрупкого, но, тем не менее, реального восстановления экономики европейских стран по поручению Европейского парламента с 26 августа по 16 сентября 2010 г. была проведена волна 74.1 Евробарометра. Было проинтервьюировано 26 635 европейцев в возрасте 15 лет и старше сотрудниками TNS Opinion&Social (вопросы анкеты были зачитаны респондентам в их собственном доме интервьюером); использовалась методология стандартных опросов Евробарометра. «Европейцы и кризис» – это второй опрос, посвященный специально этой теме. Первый такой опрос был проведен в январе – феврале 2009 г., т. е. несколько месяцев спустя после начала кризиса в Европе. В отчете Евробарометра, опубликованном в ноябре 2010 г., соотносятся результаты обоих опросов [Europeans and the Crisis..., 2010]. В нем отмечается, что спустя два года после начала самого жестокого кризиса, когда-либо переживаемого современным миром, результаты этого опроса дают значительную информацию о том, как европейцы чувствуют себя в экономическом контексте, который сохраняет неопределенность. В данной статье остановимся лишь на некоторых результатах этого опроса.

Европейцы хотят, чтобы Европейский парламент сделал преодоление бедности и социального исключения своим высшим приоритетом. Респондентов Евробарометра просили выбрать из списка, включающего 12 направлений политики, те (не более четырех), которые, по их мнению, должны стать первоочередными. Опрос показал, что европейцы хотят, чтобы Европарламент прежде всего поддержал направления политики, которые влияют на их повседневную жизнь (табл. 5.2).

Таблица 5.2 Распределение ответов на вопрос «Европейский парламент поддерживает разработку определенных политик на уровне ЕС. По Вашему мнению, какие из следующих политик должны были бы получить приоритет?» по позициям, набравшим наибольшее количество ответов, % ответивших

Политика	Евробарометр, август – сентябрь 2010 г.	Евробарометр, январь – февраль 2009 г.
Преодоление бедности и социального исключения	52	44
Улучшение здравоохранения и защита потребителя	33	35
Борьба с терроризмом наряду с уважением индивидуальных свобод	28	34
Сельскохозяйственная политика, которая дружелюбна к окружающей среде и участвует в глобальном пищевом балансе	27	28
Координация экономической, бюджетной и налоговой политики	27	24

Источник: [Europeans and the Crisis..., 2010, p. 11].

По сравнению с предыдущим опросом уверенность европейцев, что преодоление бедности и социального исключения должно быть приоритетом на уровне ЕС, только усилилось (52 % против 44 % в начале кризиса). То, с каким отрывом лидирует именно эта задача, подтверждает серьезность потерь европейцев в уровне жизни и/или ощущении социальной защищенности из-за кризиса. Причем эта задача предлагается как первоочередная респондентами, придерживающимися как левых (58 %), так и правых (45 %) политических взглядов; занимающими как низкие (61 %), так и высокие (48 %) позиции на шкале социальной самоидентификации. Европейцы достаточно четко обозначили социальный заказ власти как на национальном, так и на общеевропейском уровне.

Большинство европейцев почувствовали последствия современного кризиса лично. Большинство европейцев считают, что кризис имел значительное влияние на их персональное экономическое положение: на момент опроса в этом были уверены 52 % респондентов, но доля таких людей сократилась на 6 п.п. по сравнению с началом 2009 г. (табл. 5.3). Этот результат можно расценивать как некоторое улучшение финансового положения европейских домохозяйств к середине 2010 г.

Таблица 5.3 Распределение ответов на вопрос «В какой степени, по Вашему мнению, текущий кризис повлиял или не повлиял на каждую из следующих позиций?», % ответивших

Позиция	Очень сильно повлиял	Довольно значительно повлиял	Незначительно повлиял	Вообще не повлиял	Не знаю
Мировая экономика	$\frac{46}{50}$	$\frac{44}{40}$	$\frac{5}{4}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{4}{5}$
Европейская экономика	$\frac{46}{48}$	$\frac{44}{42}$	$\frac{5}{4}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{4}{5}$
Национальная экономика	$\frac{50}{51}$	$\frac{40}{39}$	$\frac{6}{5}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{3}{4}$
Ваше собственное экономическое положение	$\frac{19}{20}$	$\frac{33}{38}$	$\frac{33}{31}$	$\frac{12}{7}$	$\frac{3}{4}$

Примечание. Момент опроса: в числителе – 08–09.2010, в знаменателе – 01–02.2009. Источник: [Europeans and the Crisis, 2010, p. 21].

Восприятие воздействия кризиса в Европе населением значимо дифференцировано практически по всем социально-демографическим параметрам, кроме пола. Среди возрастных групп влияние кризиса на персональное экономическое положение более всего почувствовали люди в возрасте 25–39 и 40–54 лет (по 57 % в каждой группе), менее – люди старших возрастов (47 %) и молодежь (45 %). Наиболее невосприимчивыми к воздействию кризиса оказались студенты (39 %) и вообще те, кто еще получает образование (39 %).

Наличие высокого образования также выступает заслоном от негативного воздействия: среди тех, кто учился 20 лет и более, почувствовали воздействие кризиса 46 %, а среди остальных – уже 55–56 %. В группах по статусу занятости лидер уязвимости – безработные (72 %), на другом полюсе – менеджеры (42 %), между ними самозанятые и работники физического труда (по 56 %), чуть лучше дело у «белых воротничков» (54 %), а ближе всего к менеджерам пенсионеры (46 %).

Респонденты в странах, которые присоединились к ЕС с 2004 г., более часто, чем те, кто живет в самых старых государствах-членах, считают, что кризис имел значительное влияние на их личное положение (64 % в странах, присоединившихся в период с 2004 по 2007 г., против 48 % в странах, входивших в ЕС до 2004 г.).

Если при оценке европейцами влияния кризиса на персональное экономическое положение мы видим ситуацию где-то 50 на 50, и только пятая часть респондентов выбирает крайнюю оценку «повлиял очень сильно», то, начиная с национальной экономики и выше европейцы единодушно (более 90 %) признают значительное влияние кризиса, причем модальность за крайней оценкой влияния. Но так ли страшен был кризис в экономике Европы?

Большинство европейцев говорят, что они не подверглись прямому или косвенному воздействию увольнения. В опросе в августе – сентябре 2010 г. среди европейцев 40 % отметили, что кто-то из их знакомых, не являющийся им ни родственником, ни коллегой по работе, потерял работу непосредственно из-за кризиса, в то же время 20 % сообщили, что кто-то из их коллег потерял работу, и 23 % утверждают, что кто-то из их родственников потерял работу из-за кризиса. Наконец, 11 % опрошенных людей, т. е. 1 из 10 европейцев, сказали, что они лично (или их муж/жена/партнер) потеряли работу непосредственно из-за кризиса. Это показывает, что кризис имел непосредственное и особенно сильное воздействие явно на меньшинство европейцев, по крайней мере, в связи с работой.

С точки зрения профессионального статуса респондентов заметим, что чаще всех оказываются среди потерявших работу лично или знают кого-то, кто потерял свою работу след-

ствие кризиса, наименее благополучные категории – безработные, предоставляющие услуги работы по дому и работники физического труда.

Первоочередной мерой по выходу из кризиса европейцы считают инвестирование в образование, обучение и научные исследования, а также поддержку малого и среднего предпринимательства. Европейский союз озабочен процессом выхода из кризиса, который может продлиться вплоть до 2020 г., в этой связи необходимо наметить первоочередные задачи, чтобы обеспечить возврат экономики ЕС к росту. В рамках опроса Евробарометра респондентов попросили выбрать максимум 4 меры из 11 предложенных, которые, по их мнению, должны стать приоритетом, чтобы выйти из кризиса. По мнению европейцев, первоочередными задачами в странах Содружества должны стать:

- инвестирование в образование, обучение и научные исследования (43 %);
- поддержка малого и среднего предпринимательства (40 %);
- уменьшение бюрократии (34 %);
- поощрение предпринимательства (30 %).

В том, что более строгое регулирование и надзор за игроками финансового рынка (например, регулирование бонусов трейдеров) было бы эффективным способом предотвращения и избегания возможных в будущем кризисов, уверены семь из 10 европейцев.

Большинство европейцев считают, что восстановление экономики, по всей вероятности, займет несколько лет. Как отмечают авторы отчета Евробарометра, незадолго до опроса были опубликованы макроэкономические показатели, которые позволили одним аналитикам сказать, что самое худшее для Европы уже позади и что идет устойчивое восстановление экономики; другие аналитики заявили, что «свет в конце тоннеля» еще не виден и первые ростки улучшения все же не столь значительны, чтобы говорить о реальном восстановлении. Широкая общественность, столкнувшись с этими противоположными взглядами, показала сдержанный оптимизм. Большинство европейцев (37 %) считают, что восстановление начнется в последующие годы, и четверть (26 %) даже думает, что кризис продолжится, чтобы закончиться через много лет.

Только 30 % европейцев оптимистичны. Так, 17 % респондентов уверены, что возврат к росту начнется в 2010 г., и 13 % даже верят, что экономика уже вернулась к росту. Между тем 7 % респондентов не выразили своего мнения по этому вопросу.

5.3. Восприятие воздействия глобального экономического кризиса жителями Сибири

В России, судя по результатам ряда репрезентативных на национальном уровне опросов населения, так же как в США и Европе, около половины жителей страны ощутили непосредственное воздействие глобального экономического кризиса на свою жизнь. Исследователи из Института социологии РАН на основе опроса, проведенного в марте – апреле 2010 г. и охватывавшего 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, сообщают следующее: «Более половины россиян оценивают ущерб, нанесенный им лично кризисом, как очень значительный, катастрофический или существенный (53 %). Для 47 % ущерб оказался не очень существенным, или ущерба им вовсе нанесено не было» [Готово ли российское общество..., 2010, с. 12–13]. Анкета опроса «ФОМнибус», проведенного в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ 2–5 октября 2010 г., содержала вопрос: «Скажите, пожалуйста, экономический кризис 2008 г. сказался или не сказался на Вашей жизни, жизни Вашей семьи, близких и окружения? И если да, то значительно или незначительно?». По данным фонда «Обществен-

ное мнение», 35 % опрошенных сообщили, что кризис сказался значительно, 29 % – незначительно, 30 % не заметили влияния кризиса, а 6 % затруднились ответить на этот вопрос¹².

Сопоставимые оценки влияния кризиса на жизнь людей были получены и нами в рамках междисциплинарного интеграционного проекта «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири» СО РАН¹³. На вопрос «Оказал ли глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. влияние на Вас и Вашу семью?» утвердительно ответили чуть меньше половины жителей Новосибирской области – 48 % опрошенных, остальные (52 %) не почувствовали влияния кризиса.

Тем, кто ощутил влияние кризиса, был адресован открытый вопрос «В чем именно проявилось влияние кризиса на Вас и Вашу семью?» Формат вопроса предполагал несколько ответов, а также давал возможность проявиться нестереотипному позитивному варианту – по принципу «кому – война, а кому – мать родна». Но теоретическая возможность последнего на практике не реализовалась, а полученные ответы разделились на следующие, отчасти взаимосвязанные, блоки негативного влияния кризиса:

1) потеря работы, бизнеса респондентом или членами его семьи (10 %¹⁴) и/или трудности с поиском работы (5 %);

2) уменьшение объемов работы (отсутствие заказов, сворачивание проектов, уменьшение спроса и пр. – 8 %) и/или ухудшение дел с оплатой труда у работающих (снижение и/или задержки зарплаты, отмена премий, бонусов и пр. – 37 %);

3) снижение уровня жизни (уменьшение доходов, обострение финансовых трудностей, нехватка денег на необходимое и коммунальные платежи, бедственное материальное положение – 23 %);

4) рост стоимости жизни (повышение цен на продукты и лекарства, увеличение коммунальных платежей на фоне неизменных или уменьшающихся доходов – 29 %);

5) эмоциональное напряжение и экономическая нестабильность (отсутствие уверенности в завтрашнем дне, нестабильность жизни, изменение стиля жизни и потребления, вынужденная экономия – 4 %);

6) разное другое (4 %).

В перечне аспектов влияния кризиса на жителей Новосибирской области масштабы потери бизнеса и работы невелики и больше сопоставимы с европейскими, чем с американскими. Сибиряками отмечены в основном проблемы по получению текущих доходов и осуществлению текущего потребления, что существенно отличается от того, что почувствовали на себе во время кризиса американцы: здесь не присутствуют потери фундаментальных активов, типа обесценения стоимости жилья, уменьшение цены инвестиционных портфелей, снижение размеров накоплений на пенсионных счетах. Не присутствуют, потому что фундаментальные активы за двадцать лет формирования рыночной экономики так и не составляют каркас жизни подавляющего большинства россиян: трудно потерять то, чего не имеешь. Новосибирская область по многим показателям социально-экономического развития занимает примерно срединное положение среди других субъектов РФ, а это значит, что население области проживает в некоем среднестатистическом контексте страны, обладает мало отличными от других нестоличных или не нефтегазовых областей страны экономическими ресурсами, жизненными возможностями и практиками их реали-

¹² Источник: <http://bd.fom.ru/pdf/d39ekiep10.pdf>.

¹³ В июне – июле 2010 г. по заказу ИЭОПП СО РАН подразделением «Тайга. research» ООО «Тайга-ИнфоГрупп» (Новосибирск) был проведен социологический опрос населения Новосибирской области «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития». Выборка опроса репрезентировала население области в возрасте от 18 до 65 лет. Было опрошено 1419 чел., проживавших в городской (67 %) и сельской (33 %) местности.

¹⁴ Доля давших такого рода ответ среди тех респондентов, кто сказал, что кризис повлиял на него или его семью. Респондент мог дать несколько ответов.

зации. Поэтому мы считаем вполне оправданным обобщение, что даже характер потерь во время последнего по счету кризиса высвечивает скромный экономический потенциал населения нашей страны. Кризис один на всю глобальную рыночную экономику, но для нас по-прежнему, хотя и в другом контексте, актуален один из «гариков»: «Два мира – два Шапиро».

Вернемся к опросу жителей Новосибирской области. Не составило сюрприза, что первые три блока ответов в разных сочетаниях были характерны людям трудоспособного возраста, а четвертый и пятый – главным образом пенсионерам, т. е. при преимущественно фиксированных относительно скромных доходах и ограниченной возможности приработков повышение цен на товары и услуги, рост тарифов ЖКХ воспринимается как рост стоимости жизни, а при уменьшении привычных доходов или отсутствии их ожидаемого роста – как уменьшение уровня жизни.

В большей мере воздействие кризиса, ощутили жители мегаполиса – Новосибирска (59 % этой группы), среди жителей других городов и сел области тех, кто отметил влияние кризиса, не более 40 %¹⁵. В самом Новосибирске кризис более всего задел жителей промышленных и центральных районов города: более 70 % респондентов отметили влияние кризиса.

Значимого влияния уровня профессионального образования респондентов на восприятие кризиса не выявлено, а вот в зависимости от статуса занятости различия хорошо заметны и во многом совпадают с тем, что было обнаружено в ходе опросов американцев и европейцев. Наибольшая доля непосредственно почувствовавших кризис среди тех, кто не работает, но ищет работу (53 %), а также среди тех, кто работает (51 %). Работающие пенсионеры оказались более восприимчивы к воздействию кризиса (46 %), чем неработающие (39 %).

Меньше всего ощутили кризис те, кто находится в колее получения профессионального образования (32–36 %). Вид учебного заведения (профессиональное училище, техникум/колледж, вуз) и формат обучения (платно или на бюджетном финансировании) значимо не дифференцирует восприятие кризиса обучающимися. Но среди тех, кто учится на платной основе, доля почувствовавших холодное дыхание кризиса составила 44 %, а среди занимающих бюджетные места – лишь 29 %. Здесь стоит сказать, что среди родителей, оплачивающих образование своих детей, значительно больше доля заметивших влияние кризиса, чем среди студентов, обучающихся платно. Между тем и те, и другие практически не сомневаются, что материальные возможности семьи позволят окончить учебное заведение: варианты ответов «да» и «скорее да, чем нет» при значительном смещении в сторону «да» выбрали 98 % студентов, обучающихся платно, и 88 % родителей, которые платят за обучение своих детей. Фактически речь идет об основном направлении инвестиций среднестатистического россиянина – в образование детей. В России эти «инвестиции» и так нередко делаются в ущерб текущему потреблению семьи, профилактике здоровья, на средства, взятые в кредит, так что кризис экономики – это не то, что может повлиять на важнейшее из обязательств родителей – дать образование детям.

Занятые в разных отраслях экономики Новосибирской области по-разному оказались восприимчивы к негативному воздействию кризиса. В зависимости от отрасли занятости доля тех, кто ответил, что кризис повлиял на их жизнь:

- генерация воды, газа, электричества – 65 %;
- торговля – 63 %;
- обрабатывающая промышленность – 58 %
- строительство – 56 %;
- здравоохранение – 55 %;
- ЖКХ – 47 %;

---

¹⁵ Результаты упоминавшегося опроса Фонда «Общественное мнение» также показали наличие поселенческой дифференциации: воздействие кризиса жители крупных городов отмечают чаще, чем жители сел и небольших городов.

- сельское хозяйство – 46 %;
- образование – 44 %;
- транспорт, связь – 44 %;
- наука – 38 %;
- органы управления, армия, МВД – 29 %;
- финансовая сфера – 19 %.

Деятельность государства по спасению финансовых институтов во время кризиса и выполнение обещания не отказываться от социальных обязательств нашла яркое отражение в том, что меньше всего пострадавших оказалось среди работников финансового сектора, а также тех, кто служит в армии, работает в органах юстиции, охраны правопорядка (26 %), среди сотрудников органов власти, местного самоуправления (34 %) и среди тех, кто трудится в сфере науки. Наиболее часто ощутившие влияние кризиса встречались среди работников сферы генерации воды, газа и электричества, торговли, обрабатывающей промышленности, строительства и здравоохранения. Объемы работы и заработков представителей этих отраслей зависят от положения дел у их контрагентов (других промышленных предприятий, организаций) и/или от платежеспособности населения. И то и другое существенным образом пошатнулось во время кризиса.

Незащищенными от негативного воздействия кризиса оказались те, кто занимался предпринимательской деятельностью (59 %) и, соответственно, те, кто работал по найму в частном секторе (62 %). Эти люди плыли в одной лодке, но нередко, по словам респондентов, предприниматели свои риски погашали за счет тех, кто у них работал, увольняя или урежая оплату труда. Интересно, что те работники, которые освоили практику нестационарной занятости и работали по временным договорам с организациями, меньше ощутили воздействие кризиса, чем те, кто имел постоянную занятость, – 31 % против 51 % соответственно.

Среди опрошенных в Новосибирской области 8 % составляют безработные; 50 % из них – те, кто ищет работу менее полугода; остальные – более, при этом почти треть (32 %) безработные больше года. На момент опроса только 20 % из них состояли на учете в Службе занятости, а больше половины обращались в поисках работы к друзьям, знакомым и непосредственно на предприятия, в организации. Только 3 % предприняли какие-то шаги для организации собственного бизнеса, еще 13 % планируют, но еще ничего не делали; остальные такой вариант трудоустройства не рассматривают. Лишь около четверти из них связывают потерю работы с кризисом, для остальных отсутствие работы – это следствие долгосрочной ограниченности предложений на локальном рынке труда.

Результаты опроса показывают, что восприятие влияния кризиса значимо дифференцировано в зависимости от оценок материального положения, хотя линейной связи не наблюдается (табл. 5.4).

Таблица 5.4 Доля среди респондентов тех, кто ответил, что кризис оказал воздействие на их жизнь, в зависимости от самооценки материального положения семьи, Новосибирская область, 2010 г., %

Состояние материального положения	%
<i>Оценка положения семьи на момент опроса</i>	
Денег постоянно не хватает даже на еду	57
На еду хватает, но приобретение одежды, лекарств – проблема	50
На необходимые расходы денег хватает	49
Денег в целом хватает, но откладывать не удается	52
Средств вполне хватает, можем откладывать и делать крупные покупки	38
Денег хватает на все, ни в чем себе не отказываем	21
<i>Оценка изменения положения семьи за 2009 г.</i>	
Существенно улучшилось	47
Несколько улучшилось	40
Осталось без изменений	38
Несколько ухудшилось	74
Существенно ухудшилось	78

Респонденты, давшие полюсные оценки материального положения своих семей, существенно отличаются по степени восприимчивости к влиянию кризиса: подавляющее большинство тех, у кого денег хватает на все, негативного влияния кризиса не заметили, а среди тех, у кого денег не хватает даже на еду, ощутили влияние кризиса 57 %. При оценке динамики материального положения совершенно четко видна закономерность: среди тех, у кого материальное положение за 2009 г. не поменялось, меньше всего заметивших влияние кризиса, и, наоборот, их подавляющее большинство среди переживших ухудшение материального положения. Понятно, что воздействию негативных потрясений общего плана более всего подвержены люди с самыми ограниченными экономическими ресурсами, а те, чье положение резко ухудшилось, наверняка попали в воронку кризиса.

Надо заметить, что хотя жители Новосибирской области и разделились на две почти одинаковые по наполненности группы – ощутивших (48 %) и не ощутивших (52 %) влияние кризиса на себе или на своей семье, американский сюжет про кардинальное различие фундаментов для проживания ими периода жизни, пришедшегося на кризис 2008-2009 гг., здесь не просматривается. При этом за год, предшествующий опросу, 50 % респондентов сказали, что материальное положение их семей осталось без изменений, 19 % респондентов сообщили об улучшении, а 26 % – об ухудшении (при 6 % затруднившихся оценить динамику), большинство их самооценок материального положения приходится на такие скромные позиции, как «на необходимые расходы денег хватает» и «денег в целом хватает, но откладывать не удается» – по 70 %, у 16 % дело обстоит хуже, а у 14 % – лучше; на крайние оценки приходится по 2 %. И этот расклад, как и распределение респондентов по доходным стратам, где превалируют те, чей доход не превышает два прожиточных минимума, мало различается в группах тех, кто отметил влияние кризиса, и тех, кто не отметил.

На вопрос «В настоящее время Вы удовлетворены своим материальным положением?» положительно ответили 31 % наших респондентов, 9 % затруднились с ответом; остальные (60 %) сказали, что не удовлетворены. К последним был обращен открытый вопрос «Что помешало или мешает Вам достигнуть большего?» Так вот, лишь 8 % из них в качестве помехи отметили экономический кризис¹⁶, а подавляющее большинство ответов пришлось на «низкую заработную плату», «отсутствие подходящей работы в городе или селе прожи-

¹⁶ Блок вопросов о материальном положении респондента в анкете был расположен до вопросов о влиянии кризиса и даже не соседствовал с ними.

вания». Те же ответы преобладали и в опросе 2006 г., где спрашивали, что не нравится респондентам в Новосибирской области?

Большое количество жителей Новосибирской области, да и других областей России, особенно проживающих в малых городах и селах, испытывают бедственное положение или с трудом сводят концы с концами далеко не из-за глобального кризиса и не только во время него, хотя и он, безусловно, внес свой негативный вклад. Это следствие системных проблем в экономике страны¹⁷, а не волнового мирового кризиса: низкие зарплаты значительного числа работающих, несущественные по размеру выплаты социального характера, в том числе на детей, не позволяют многим людям в трудоспособном возрасте осуществлять воспроизводство человеческого потенциала, не говоря уже о развитии. На локальных рынках труда работодатели нередко обеспечивают рентабельность своих предприятий в основном за счет низкой оплаты труда работников. Будучи немногочисленными, работодатели могут не конкурировать за рабочую силу, так как для работников, по большей части имеющих скромные ликвидные активы и обладающих ограниченным набором трудовых компетенций, переезд в другой город или село сопряжен с риском остаться без жилья, без работы, без поддержки привычного окружения. Среди наших респондентов 63 % составляют те, кто родился и прожил почти всю жизнь там, где их застал опрос. Скудость экономических ресурсов, если не преодолевается, то воспроизводится в новом поколении. У людей мало иллюзий, но и безысходность не в чести: на вопрос об ожидаемых изменениях в уровне жизни, материальном положении в ближайшем году почти 60 % отвечают, что все у них останется без изменений; только 5–6 % предвидят ухудшение; больше 20 % респондентов надеются на улучшение; остальные затруднились заглянуть вперед.

Опросы, проведенные в Европе в 2009 и 2010 гг., показали, что европейцы хотят, чтобы Европейский парламент сделал преодоление бедности и социального исключения своим высшим приоритетом. Первоочередной мерой по выходу из кризиса европейцы считают инвестирование в образование, обучение и научные исследования, а также поддержку малого и среднего предпринимательства.

Что это – неожиданно компетентная «помощь зала» Европейскому парламенту и правительству в игре «Кто хочет выйти из кризиса быстро и сильным?» или выстрадавшая в нелегкой борьбе за устойчивое благополучие житейская народная мудрость простых европейцев? Или из предложенных в анкете подсказок только это и могло быть выбрано вменяемыми людьми, которых, как оказалось, в Европе достаточно много? Теперь это уже тест для политиков и чиновников – станут ли эти варианты ответов народа руководством к действию.

В принятии этих приоритетов не так много популизма, как кажется на первый взгляд. В качестве меры стимулирования спроса в кризис и исключения дефляции «особенно важно выделять средства наиболее бедным слоям населения, которые быстрее всего их потратят и тем самым поддержат экономический рост. Такой подход часто используется в США, где в пояснительных документах практически к каждой программе подчеркивается, что один доллар, потраченный на здравоохранение, образование, помощь безработным, детям из бедных семей и т. д., увеличит ВВП приблизительно на два доллара» [Силуанов, Назаров, 2010, с. 117]. Конечно, весьма цинично рассматривать бедных как «секретное» оружие на случай трудностей в экономике страны, но здесь идет речь и об инвестициях имеющих долгосрочный социальный эффект, к которым иные правительства склонить очень непросто. В цитируемой работе эта выкладка приводится в разделе «Выводы и уроки для России», завершающем анализ мирового опыта контрциклической политики. Понятно, что обозначенный прирост ВВП тесно связан с контекстом американской экономики и устоявшихся бюджетных отношений, и вовсе не гарантирован, например, у нас. Но не попробуешь – не узнаешь.

---

¹⁷ Одна из аргументированных позиций в этом ключе изложена в работе [Лившиц, Тищенко, Фролова, 2011].

Между тем запрос, сформулированный европейцами, весьма актуален и для России. Пока в нашей стране не будет преодолена массовая малообеспеченность населения, экономические показатели, растущие от квартала к кварталу, могут восприниматься лишь как выход из циклического кризиса, а поступательное развитие страны требует поставить в центр социальные вопросы. Трудно прогнозировать, но хочется надеяться, что в обозримом будущем широкие слои населения России смогут приобщиться к преимуществам рыночной экономики, ведь в «школу» мировых кризисов мы уже поступили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.